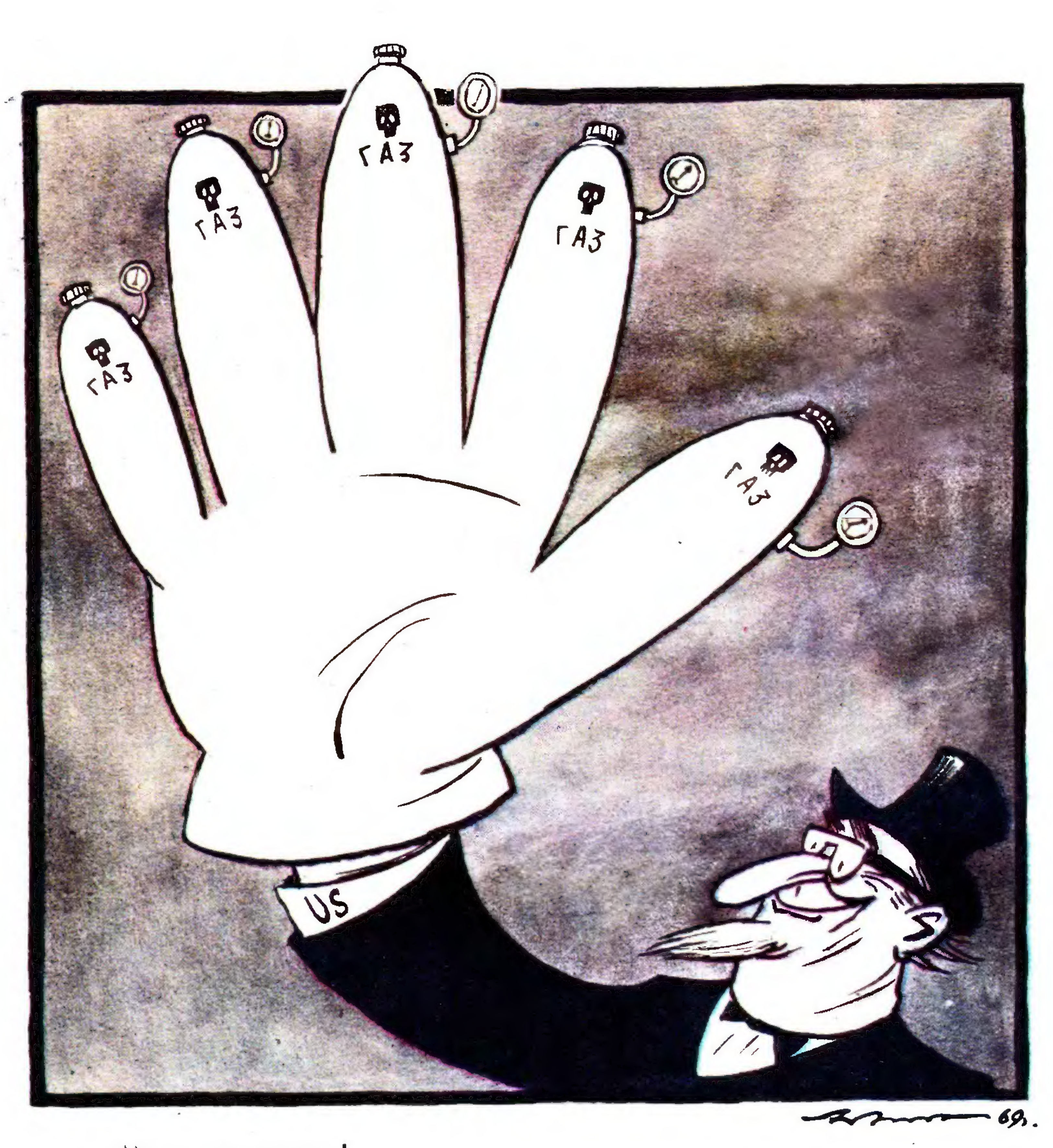
КРОКОДИЛ

ПРИЗЕРЫ СЕЛЬСКИХ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

Рисунок Юрия АНДРЕЕВА

— Мы за гуманность!

Рисунок М. АБРАМОВА

Владимир ЛИФШИЦ

ДВЕ АМЕРИКИ

Америка левых—
она под запретом:
Проклятье
журналам ее
и газетам!..
Америка правых,
которая правит,
Америку левых
собаками травит.
Америка левых
в трущобах ютится.
Америку левых
грызет безработица.
Америка правых
о том не заботится,
Америке правых
подвластна юстиция.
Америка левых —
давно ль это было! —
Свой лагерь убогий —
палатки и хижины —
У Белого дома
пришла и разбила,
Чтоб были правители
этим пристыжены.
Америка правых,
которая правит,
Палатки и хижины
танками давит.
Ах, ей ли стыдиться
позора и срама,
Швыряющей бомбы
в детишек Вьетнама!..
Америка левых —
она не боится
Убийце сказать,
что убийца — убийца!
По всем,
чья политика
ей неугодна,
Америка правых
стреляет свободно.
Стреляет в рабочих.
Стреляет в студентов.
Стреляет
в священников
и президентов.
Набившая руку
в кровавых расправах,
Глумится над правдой
Америка правых.
Но, зная
все мужество,
боль их
и гнев их,
Мы верим в победу
Америки левых!

1970
АПРЕЛЬ
22
СРЕДА
1870 — Родился Владимир Ильич ЛЕНИН

СЕРЕБРО ЗА НЕВЕСТУ

По преданию, осетинский князь Ос-Богатар, сватаясь к грузинской царевне, предлагал за нее в качестве калыма столько серебра, сколько может вывезти вьючный осел из горной Осетии в Грузию. Знатный жених проживал в ауле Назгин, вблизи от Садонских рудных залежей. В местной церкви сохранилась надпись, сделанная на грузинском языке кем-то из десяти братьев Ос-Богатара:

«...в сем мире прочно стою: золотоносной земли и серебряной, подобно воде, много имею...»

Очень сокращенно писали в те времена. Поэтому мы не знаем, состоялась ли свадьба и сколько серебра вывез ушастый транспорт из Осетии в Грузию. Но все-таки можно сделать два вывода:

а) почти тысячу лет назад уже было известно о богатом Садонском полиметаллическом месторождении,

б) основным транспортом тогда служили ослики.

ТОРГОВАТЬ ХАЛВОЙ СПОДРУЧНЕЕ

Турецко-подданный грек Спиридон, проворачивая в Осетии какие-то свои дела, случайно забрел в Ходское ущелье. И обомлел. Он увидел гигантскую скалу, состоящую из цинка и свинца, почти без пустой породы.

— Эван, эвоз! — воскликнул Спиридон по-древнегречески и помчался к наместнику Кавказа хлопотать о концессии.

Наместник сказал:

— Валяй...

И пронырливый эллин начал добычу садонской руды. Он имел в виду нажиться здесь и вернуться в родные Салоники, завернувшись в золототканый хитон.

Однако Спиридон прогорел. По простой причине: из-за отсутствия дорог.

— Куда я буду девать эту руду? — недоумевал Спиридон.— На ослах вывозить, что ли? Пусть построят дорогу, тогда я, так и быть, потружусь.

Но дорогу греку никто не стал строить. Ни местные жители, ни наместник.

— Нет так нет. Я вам тоже не осел.

И, сдав рудник в казну, Спиридон отправился налаживать торговлю халвой и маслинами.

ИНОСТРАНЦЫ В САДОНЕ

По командировкам наместника в Садон зачастили инженеры с заграничными фамилиями: Картерон, Ройнке и прочие мюллеры. Они высчитали, что в здешней руде 57 процентов свинца, а серебра семь золотников в тонне. Живо наложили лапу на садонские земли, отвалив осетинам аж по 21 копейке за гектар. Построили в Алагире плавильный завод.

Иностранцы прикинули:

— Плавить руду наймем туземцев-аборигенов.

— Межеумки вы! — сказал наместник.— Аборигены к заводам не приучены. И по-немецки ни бум-бум.

— А мы, ваше сиятельство, подбросим с Урала и Алтая крепостных умельцев. Они обучат местных жителей.

И в Садон прибыло 380 русских семей.

Настал день, когда русские крепостные и горцы-осетины дали первую плавку: 270 пудов без малого свинца и свыше 27 фунтов серебра. Слиток серебра отослали царю. Он распорядился:

«Одну половину этого серебра употребить на изготовление сосуда для строящейся в Петергофе церкви у Бабьего Гона, а другую — употребить на сосуд для Исаакиевского собора, на каковых сосудах сделать надпись, что они изготовлены из первого серебра, выплавленного на Алагирском заводе 21 мая 1853 года».

А чем наградил самодержец тех, кто выплавил это серебро? Может, пожаловал медальки? Или хоть грамоты?..

Нет, и словом не обмолвился. Для работных людей в высочайшем рескрипте места не нашлось.

НОВЫЙ СПЛАВ

На заводе шла плавка серебра и свинца. А одновременно, невидимый глазу, совершался другой процесс: выплавлялся рабочий класс Осетии.

Русских крепостных рабочих за малейшую промашку нещадно пороли. Экзекуции совершались на глазах у осетин. Для острастки: мол, глядите и мотайте на ус.

Людей пороли по приказу надзирателя Гадоберта, известного своей лютостью. И вот какие были случаи в те времена.

Идет экзекуция. Крепостного принародно секут розгами. Но тут из толпы осетин выбегает Кудайнат Бесолов с суковатой палкой и бросается на Гадоберта с криком:

— Собачий объедок! Собачьей кровью омытый! Оставь этого человека, или я раздвою тебе голову!

Гадоберту не улыбалась перспектива раздвоения головы, и он прекратил порку. Тем более, что на помощь Кудайнату двинулись и остальные горцы, тоже с палками.

Другой раз, когда начали сечь рабочего-крепостного, житель селения Ход Гино Кайтуков схватил за волосы одного из экзекуторов и трепал его так, что у того глаза на лоб полезли.

— Посмотрим, кто раньше устанет,—приговаривал Гино. Тогда Гадоберт, заботясь о здоровье своих кадров, крикнул: «Отставить!»

Порку прекратили. Выдернутые волосы собрали и вручили владельцу. А русский сказал Кайтукову:

— Вовек не забуду, брат!

ЧТО БЫЛО НАМОТАНО НА УС

1896 год. Льежские и брюссельские банки учредили смешанное русско-бельгийское общество «Алагир». Смешано оно было по рецепту: один рябчик — одна лошадь. Рябчик (русская часть) — 20 процентов акций, лошадь (бельгийская) — все остальное. Так Садон попал в руки иноземцев. Концессионеры закрыли Алагирский завод и построили другой, во Владикавказе.

Пример грека Спиридона их ничему не научил. Дорогу и они не построили. Рассуждали они глуповато. Мол, в случае чего, завод можно демонтировать и вывезти. А дорогу в саквояж не спрячешь. Придется оставить ее этим абрекам.

Вот и возили руду на конных арбах из Садона на Мизурскую обогатительную фабрику. А концентрат из Мизура таким же транспортом доставляли на станцию Дарг-Кох для отправки во Владикавказ. Нередко лошадь с груженой арбой сваливалась с тропки в реку и тонула там. Бельгийцам, или, как их называли осетины, «белгам», на это было, конечно, наплевать.

Да и вообще горцам потачки иностранцы не давали. Рабочий день установили в 11—12 часов. Под жилье отвели грязные сараи, чтобы не разбаловались людишки. За каждый чох штрафовали. Обсчеты велись по особо выработанной системе. Скажем, на арбу погрузили 20 пудов, а записали 30. Потом за «недостающее» высчитывали.

В Осетии забродила русская закваска. Докатилась и сюда, в горы, волна стачек. Начались забастовки.

Бастовали шахтеры-бурщики.

Бастовали сортировщики руды.

Бастовали возчики-арбщики.

НЕИСТОВЫЙ ИСПАНЕЦ

Управляющий Садонским рудником бельгийский подданный испанец Дезире Харига предпочитал брать на работу неграмотных. Их удобнее было обманывать. От них легче было избавляться.

А избавляться надо было в первую очередь от тех, кому выходил срок работы. Чтобы не платить старым шахтерам пенсион.

Ловок был Дезире на такие дела! Придерется к пустяку и выгоняет. Вдобавок имел он милую привычку: выгоняя шахтера, сносить его домишко. Так бесплатно освобождался клочок рудоносной земли.

Однажды Харига велел нескольким шахтерам снести свои постройки. Житель Нижнего Садона Дзиба Битаров не пожелал разорять свое гнездо.

— Будь проклят, рожденный собакой! Да искоренится твое семя! — сказал он и заперся в своей лачуге.

— Кар-рамба! — разъярился испано-бельгиец.— А ну, засыпать его немедленно землей! И вообще я всех Битаровых засыплю землей, чтобы их не было на поверхности!

Так цивилизованный европеец Дезире Харига вступил в единоборство со всей фамилией Битаровых.

Харигу ненавидели рабочие, но начальство ценило. Директор горного департамента даже ходатайствовал:

«...испросить высочайшую награду орденом главному инженеру общества «Алагир» бельгийскому подданному Дезире Хариге за заслуги...»

Заслуги бельгийского испанца заключались, между прочим, в том, что он к моменту испрошения высочайшей награды находился под следствием по пяти несчастным случаям со смертельным исходом.

«НАМ УЖЕ НЕКОГДА»

Старый осетин пенсионер Иналык Калоев при «белгах» работал бурщиком. Он рассказывает:

— Не только нас надували иностранцы, а и лопоухое царское правительство. Почти весь металл за границу сплавляли. Руду сверху брали, как сливки, остальное засыпали породой.

А когда «белги» уезжали, они сказали нам через двух переводчиков: один переводил с французского на русский, а другой — с русского на осетинский:

«Мы бы у вас еще поработали, но нам уже некогда».

«Некогда» бельгийским концессионерам стало в 1917 году...

«ПРИЗНАТЬ ВОЕННО-СРОЧНОЙ»

Концессионеры сбежали, бросив все на поток и разграбление. Приходи каждый и бери голыми руками.

Но ни голыми, ни даже вооруженными руками не удалось взять хоть крошку руды ни местной контрреволюции, ни белогвардейщине. Рудник и фабрику спасли сами рабочие. Они охраняли свои предприятия до прихода Красной Армии.

А потом, когда рудник и фабрика стали прочно советскими, снова разговор зашел о дороге и о том, что, мол, на арбе Осетия в большую индустрию не въедет.

И тогда появился вот этот документ:

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ СНК РСФСР о постройке железнодорожной ветки Дарг-Кох — Алагир. 19 октября 1920 г.

1) Признать постройку железнодорожной ширококолейной ветки к Алагирским свинцово-цинковым рудникам военно-срочной и отнести ее сооружение за счет 100-верстного промышленного фонда ВСНХ.

2) Предложить КГС снабжать постройку всем необходимым и обслуживать ее техническим персоналом в первую очередь.

3) Предложить Промбюро и Совтрударму Северного Кавказа немедленно обеспечить Алагирские рудники конным или, если позволят пути сообщения, автомобильным транспортом. В случае затруднений поставить этот вопрос на обсуждение Совета Труда и Обороны.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СНК В. УЛЬЯНОВ (ЛЕНИН)».

Было сделано то, чего не могли сделать ни русские правители, ни иностранные концессионеры. Построенная по слову Ленина, железнодорожная ветка помогла Осетии выйти на дорогу большой индустрии. Уже в 1925 году владикавказский завод «Кавцинк» давал львиную долю свинца и цинка, добываемых в стране.

НЕТ ХАРИГИ, А КТО ЕСТЬ!

Напомним. Раньше рудничное и заводское начальство носило фамилии такие: Дюкенн, Пикар, Фалисс, Борзе, Лятибо, Харига. И т. д.

Какие фамилии известны нам теперь?

Директор Садонского комбината Дзугкоев. Главный инженер Баликоев. Начальники рудников Сабаткоев и Кантиев. Инженеры Урусов, Дарчиев...

Нет, не одни осетины. Люди двадцати семи национальностей работают в Садоне. Правда, среди них нет ни турецко-подданных греков, ни бельгийских испанцев.

Кстати, о фамилиях. Помните, Дезире Харига поставил перед собой возвышенную цель—засыпать землей всех Битаровых? Однако очень некстати произошла революция и помешала Хариге выполнить свой обет.

А Битаровых стало еще больше, чем было. Мы об одной только семье скажем в нескольких словах.

На Садонском комбинате работают четыре брата. Сыны шахтера и внуки шахтера:

Битаров Тасолтан, начальник участка «Южный». Бывший фронтовик. Кавалер шести орденов.

Битаров Зелимхан. Работает на водоснабжении. Тоже фронтовик.

Битаров Борис. Бригадир рудника «Артем».

Битаров Заурбек. Начальник участка «Спуск — подъем».

И у всех подрастают сыновья. Тоже Битаровы.

* * *

Посмотрите на карту Северной Осетии. Вы увидите на ней железнодорожную ветку Алагир—Ардон — Дарг-Кох. Не длинна она — всего около тридцати километров. А все же нет ей цены. Ведь эта дорога связала глухое горное ущелье со всей огромной страной.

И справедливо называет ее народ ленинской.

Северная Осетия.

Сергей ИВАНОВ

ФУТУРИСТЫ

1916 год. Лозанна. На выставку произведений художников-футуристов Владимира Ильича затащил Луначарский, который должен был там читать доклад. В докладе Анатолий Васильевич восторженно говорил о футуризме. Владимир Ильич слушал, но удовольствия не получил, наоборот, его лицо выражало сперва недоумение, затем раздражение.

По окончании доклада Луначарский предложил Ленину осмотреть выставку. Владимир Ильич, не останавливаясь, проходил мимо футуристических полотен. Но одну картину Луначарский попросил Ленина посмотреть внимательно. Подпись к холсту гласила: «Портрет скрипача Фрица Крейслера». На полотне были нарисованы смычок скрипки, несколько нот, огромное человеческое ухо, и все это в обрамлении разноцветных спиралей.

Луначарский, объясняя содержание картины, говорил, что художник гениально отразил свою тему, создал замечательный портрет скрипача.

— Замечательный? — иронически спросил Владимир Ильич.

— Конечно,— ответил Луначарский.— Неужели вы, Владимир Ильич, не понимаете замысла художника?

— Тут и понимать нечего,— сказал Ленин.— Это попросту шарлатанство.

— Ну что вы, Владимир Ильич, это же очень хорошо. Ведь футуристы — новаторы, они прокладывают новый путь в искусстве!

Ленин с усмешкой слушал, а потом прервал Луначарского и, показывая на «портрет скрипача», спросил:

— Скажите, Анатолий Васильевич, откровенно: хотели бы вы, чтобы после вас остался такой портрет?

Луначарский смутился, но откровенно ответил:

— Нет.

— Вот то-то и оно! — сказал Ленин и засмеялся так заразительно, что и Луначарский не мог сдержать смеха.

БАРАКИ

Холодно было в Советской России в 1918 году. Топлива не хватало, стояли заводы, не отапливались учреждения, трудно было в больницах и школах. Ленин энергично принялся за организацию торфоразработок. Торфяные болота были под самой Москвой, торф был более доступен, чем далекий донецкий уголь или еще более далекая бакинская нефть. Руководителем торфяного дела был назначен старый большевик И. И. Радченко, за спиной которого был пятилетний опыт добычи торфа в Богородске.

В апреле 1918 года на заседании Совнаркома обсуждалась смета на организацию первого в стране крупного Шатурского торфяного предприятия.

Обсуждение шло нормально, без особых споров, значение разработок было понятно всем. Однако спор возник, когда стали обсуждать стоимость постройки рабочих бараков. По смете на каждый барак предусматривалось четыре тысячи рублей. Представитель Наркомфина возражал против «астрономической», по его определению, стоимости и предлагал снизить смету до двух тысяч на барак.

В ходе обсуждения Ленин послал записочку Радченко:

«Вы когда-нибудь строили бараки? Твердо ли знаете, что надо 4 000?»

Получив от Радченко утвердительный ответ, Ленин спросил его уже вслух:

— А вы, товарищ Радченко, строили бараки?

— Строил, Владимир Ильич.

Тогда Ленин обратился к представителю Наркомфина:

— А вы когда-нибудь строили бараки?

— Нет, не строил, Владимир Ильич.

— Так будем голосовать, товарищи,—сказал Ленин, и улыбка проскользнула на его лице.— Есть два предложения. Первое — товарища, который раньше **строил** бараки, дать четыре тысячи рублей на барак. Второе — товарища, который **не строил** бараки, дать две тысячи рублей на барак.

Раздался общий смех. Утвердили суммы, предусмотренные сметой.

Владимир КАНАЕВ,
специальный корреспондент
Крокодила

ПРОРОЧЕСТВО С ГАРАНТИЕЙ

Советник юстиции П. А. Новосельцев относился к гадалкам и пророкам скептически. Их прорицания не внушали Петру Алексеевичу доверия. Однако жизнь порой опрокидывает самые устоявшиеся мнения. Волей случая прокурор столкнулся с поистине вещим человеком — Юрием Афанасьевичем Анисимовым.

Пророк только что приехал с молодой женой в поселок Гурьево и устроился работать электросварщиком в карьероуправление. Встретив как-то раз советника юстиции, Анисимов пристально посмотрел на него и замогильным тоном произнес:

— Мужайтесь! Вас ожидает полоса невезения. Грядут мелкие и крупные неприятности...

— Вздор! — беспечно воскликнул Петр Алексеевич.— Какие могут быть неприятности, когда меня на днях в звании повысили!

— Я всегда предсказываю с гарантией,— обиженно надул губы ясновидец.— Гарантийный срок — полгода.

— Ого! Как в лучших фирмах! — посмеиваясь, простился прокурор с Анисимовым.

— Попомните мое слово,— зловеще прошипел пророк и испарился в вечернем мраке.

Дальнейшие события заставили прокурора понять, что он недооценивал дар предвидения Юрия Афанасьевича. Вскоре после разговора с ясновидцем Новосельцева вызвали в областную прокуратуру и поинтересовались, как идут дела. Нет ли каких-нибудь недоработок или упущений? И хотя все оказалось в порядке, Петр Алексеевич возвращался домой с неприятным осадком. Затем на голову прокурора посыпался град жалоб. Жалобы были необоснованные, но на них приходилось отвечать. И вот, корпя допоздна над ответами, Петр Алексеевич стал невольно вспоминать пророческие слова Анисимова. Пророк не бросал слова на ветер и, чтобы не подмочить свою репутацию, сам строчил жалобы на прокурора в областную прокуратуру, в прокуратуру РСФСР, в Верховный Совет СССР.

Новосельцев с тревогой заглядывал в календарь. До конца гарантийного срока оставались считанные дни... Но тут — не было печали! — подоспел корреспондент...

* * *

— Так вы из «Крокодила»? — пожал мне руку П. А. Новосельцев и сокрушенно прошептал: — Значит, Анисимов был прав...

— Прав, говорите? — заметил я.— Так и запишем...

Не успел я сделать пометку в блокноте, как в кабинет прокурора вошла секретарша.

— Петр Алексеевич, опять Анисимов пришел,— сообщила она.— Пригласить?

— Вот кстати! — обрадовался я.

— Сегодня не приемный день,— возразил прокурор, но, взглянув на меня, добавил: — Пусть войдет.

Я почему-то представлял себе пророков худосочными брюнетами с коричневыми разводами под горящими глазами. Анисимов сильно разочаровал меня. Он оказался плотным голубоглазым блондином.

— Так вы из «Крокодила»? — дружелюбно посмотрел он на меня и с усмешкой обратился к прокурору: — Ну, что, Петр Алексеевич, сбываются мои предсказания?.. Чья взяла?

— Ваша, ваша,— простонал Новосельцев.— Только, прошу, оставьте меня в покое!

— Сами заварили кашу,— упрекнул Анисимов,— Теперь расхлебывайте...

— Давайте разберемся во всем по порядку,— предложил я.

— Обижают, товарищ корреспондент! — простер ко мне руки Юрий Афанасьевич.— Затирают!.. Мы, молодожены, только стали вить семейное гнездышко, как из прокуратуры налетел черный ворон и выдворил нас на улицу.

— Ай-я-яй! — пристыдил я прокурора.— Разве так можно — на улицу?

— Не только можно, но необходимо было,— разъяснил Новосельцев.— У его мамы есть отдельный домик. Но Анисимов не ужился с мамой и самовольно занял квартиру.

— Как это самовольно? — удивился Анисимов.— Шел по улице, смотрю, квартира освобождается. Сказал хозяину, что я новый жилец. Он поздравил меня и вручил ключи... По его воле все и произошло...

— Да ведь ключи-то предназначались для другого жильца,— уточнил прокурор.— Сначала Анисимова добром просили выехать из квартиры. Он ни в какую! Вот и пришлось выселить. В соответствии с законом и с приказом директора карьероуправления № 272.

— Закон, приказ — подумаешь!.. Я писал и буду писать... Вот даже и корреспондента вызвал для фельетона. Ну как, будет фельетон? — обратился ко мне Юрий Афанасьевич.

— Непременно,— подтвердил я.

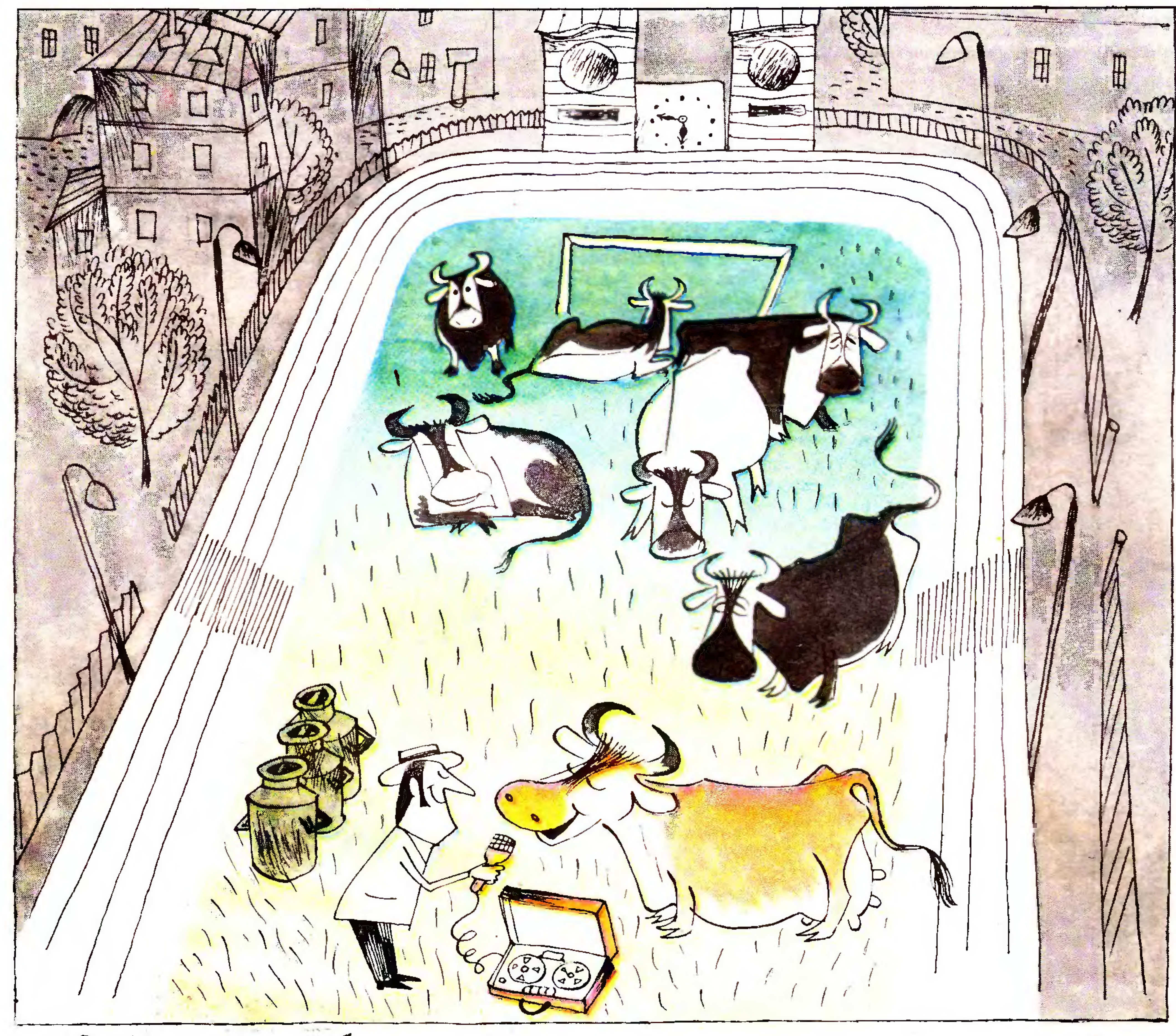
— Ага! Значит, попляшет Новосельцев! — потер руки Анисимов.

— Вот чего не знаю, того не знаю,— пожал я плечами.

— Ах, вот как!— прищурился Юрий Афанасьевич.— Ну что ж, пишите, пишите... Только подумайте о своем будущем. Оно не предвещает ничего хорошего. Учтите, что я предсказываю с гарантией!

Хотя я и не верю в пророчества, на душе у меня почему-то скребут кошки...

Поселок Гурьево,
Веневского района,
Тульской области.

— Своим рекордом я обязана исключительно этому стадиону!

Рисунок
В. ЧИЖИКОВА

На свою беду он слишком рано усвоил, что учиться никогда не поздно.

М. ГЕНИН

Важны позиции, а не позы.

В. БРЮГГЕН

Когда на жизнь сердишься — ты слаб, когда на себя сердишься — ты силен.

М. АРСАНИС

Надо ли отстаивать правду всеми правдами и неправдами?

В. КОНЯХИН

Специалисты по трепке нервов редко работают на собственном сырье.

Ц. МЕЛАМЕД

Жаркое лето в Одессе

Моря в Свердловске нету. А супруги Кадцины возжаждали моря. Еще они возжаждали южного загара и солнечных ванн высокой концентрации. Посему отсчитали они 225 рублей 30 копеек и благополучно доставили их в Свердловское трансагентство.

Свердловское трансагентство охотно обменяло названную сумму на две путевки в Одессу, в лагерь стройинститута. Путевки гарантировали солнце, культурный досуг и трехразовое питание. Оставалось лишь добраться до другого трансагентства — того, что расположено в Одессе, на площади Мартыновского, дом 3/4. Именно оно организует лагеря в солнечном городе и продает в них путевки.

Супруги добрались. Здесь нх встретил уполномоченный товарищ Зубатов. Он записал их в амбарную книгу и вручил им пачечку талонов на питание. После зтого Кадцины сели в автобус и поехали на место постоянного пребывания.

У места постоянного пребывания сидел на камне толстый старик в соломенной шляпе и думал о жизни. Свердловчане вежлнво осведомились о лагере. Старик посмотрел на них долгим взглядом.

— Я вам не скажу за всю Одессу,— подняв шляпу, медленно произнес он.— Вся Одесса очень велнка. Но сколько я помню себя, лагеря здесь я не помню. А мне уже седьмой десяток. Или, может быть, восьмой, я точно не знаю.— И он опустил шляпу на место.

Когда супруги вернулись к уполномоченному товарищу Зубатову, тот с умеренной силой хлопнул себя по лбу.

— Ах, да,— сказал он и попенял на память.— Ваш лагерь ликвидирован. Очень, знаете, недолго просуществовал он.

— Ио путевки...

— Путевки все еще продаются. Даже поезд нельзя остановить сразу. А это, знаете, бумага.

И он временно определил свердловских граждан в кемпинг «Дельфин».

«Дельфин» оказался без света, воды и радио. Обитали здесь автолюбители. Автолюбителям было хорошо. Садись на «Волгу», езжай в Одессу на базар, привози три кило ставриды и жарь ее себе на бензиновой горелке под звуки легкой музыки из автомобильного приемника.

Свердловчане в своей безмашинности были не одиноки. Многих отдыхающих с путевками придельфинил в кемпииг уполномоченный товарищ. Они страдали, вкушая запах жареной рыбы, но недолго: утром автобус повез их в город на завтрак. А это бензинные пары, духота и трата отпускного времени на двадцатикилометровый рейс.

С завтрака вернулись к обеду.

— Можете не вылазить,— заботливо предложил водитель.— Долью воды в радиатор, и поедем обратно.

С обеда, как вы понимаете, возвратились к ужину. Тихий час провелн в дороге. Тряска способствовала лучшему усвоению пищи.

На шестые сутки отдыхающие делегировали свердловчанина Кадцина к городским властям за помощью.

Посетил Кадцин горком партии. Там посмотрелн на его незагоревшее лицо и обещали помочь. И вправду, на другой день не в столовую повез автобус, а в один из лагерей трансагентства — насовсем, с вещами.

Но тут наперерез автобусу выбегает человек и машет руками. Водитель тормозит и почтительно отворяет дверь. В автобус входит сам товарищ Зубатов.

— Терпеть не могу жалобщиков,— откровенно делится он и просит выйти на тротуар товарища Кадцина.— Лагерь,— говорит,— не резиновый, места для всех не хватит.

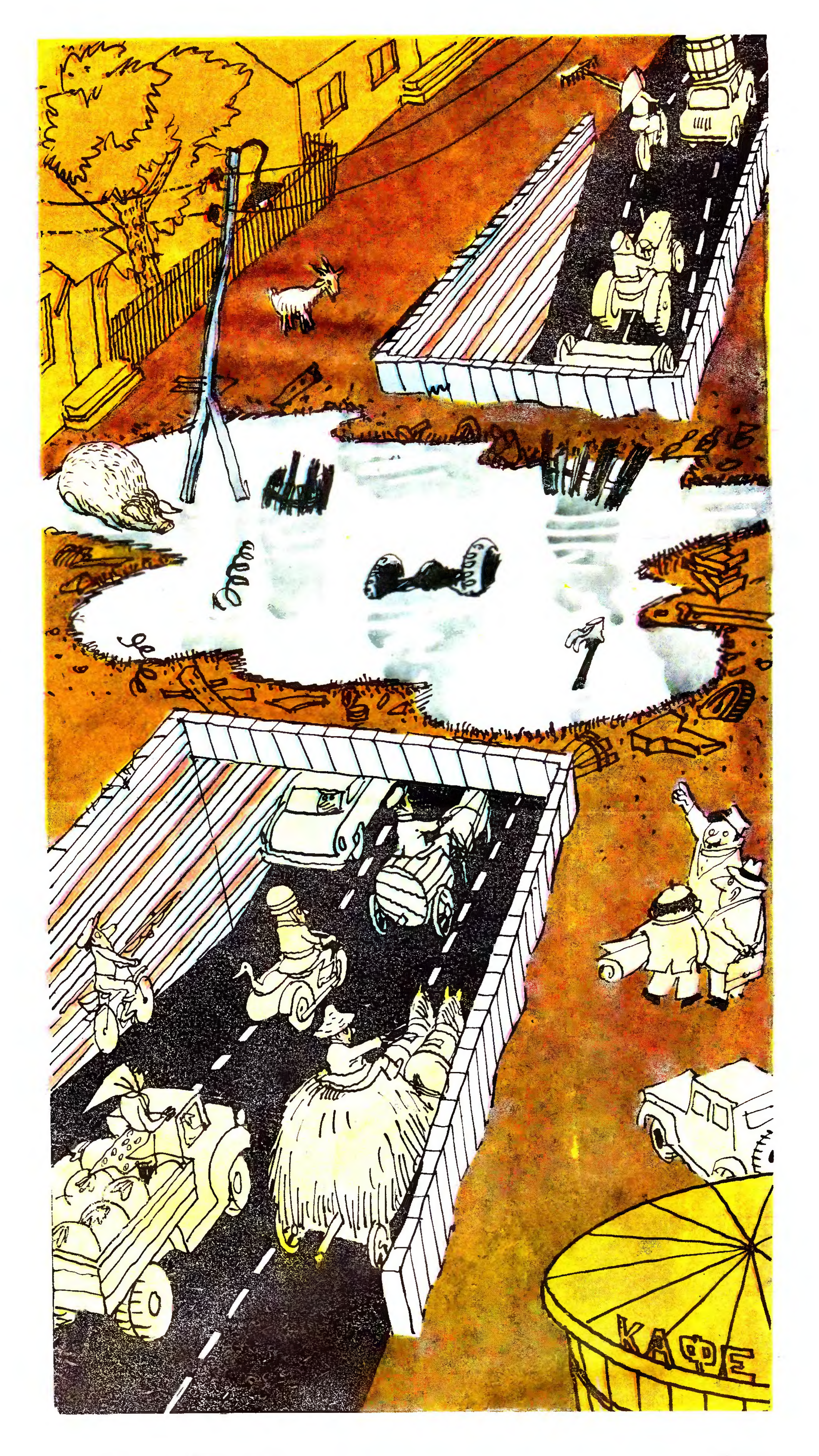
Вместе с супругами из Свердловска оказались на тротуаре четыре женщины с детьми. К ним тоже не снизошел уполномоченный товарищ.

Разобрали невезучие свои чемоданы и гуськом отправились обратно к «Дельфину».

Невезучие вдобавок ко всему оказались невозимыми: не возили их больше в столовую за двадцать километров. К услугам их была любая точка общепита. Правда, служащие общепита, с ннтересом оглядев талончики, возвращали нх и требовали денег.

— Талончики,— советовали они,— возьмнте с собой. На память о солнечном городе.

Р. КИРЕЕВ

— Благоустройство поселка мы начали с центра...

Рисунок Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Когда меня попросили написать мини-предисловие к микроантологии современного румынского юмора, которую «Крокодил» печатает в честь двадцатипятилетня освобождения Румынии от фашистского нга, у меня опустнлись рукн. Такая задача вряд ли мне под силу.

Во-первых, я не теоретик. А во-вторых, нужно ли теоретизировать там, где речь идет о таком врожденном человеческом качестве, как остроумие? Человек наш шутит походя, не опасаясь поставить тем самым на карту свой престиж. Я вообще глубоко убежден, что самый непростительный грех — это воспринимать серьезные вещи юморнстически, а смешные — трагически. Всему своя мера, время и место.

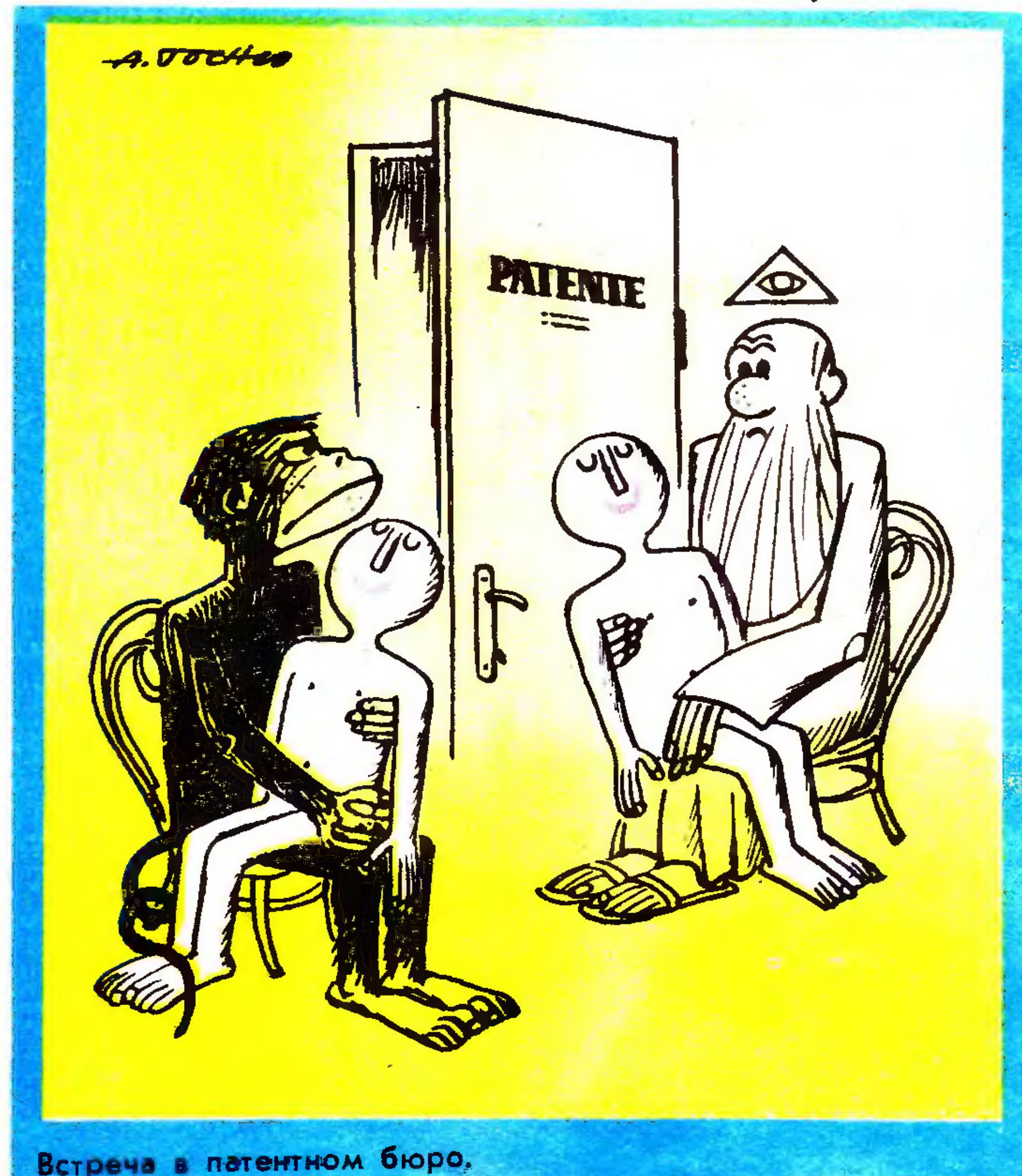
Вот почему я опасаюсь, что предисловие о проблемах юмора рискует убнть аппетит читателя к юмору. Да и о чем я могу сообщнть? О том, что Сади Рудяну — талантливый фельетонист? Что у Виктора Пицнгоя чертовски острый глаз?..

Нет, меня, пожалуй, привлекает другой аспект этой темы. Я хотел бы подчеркнуть, что смех — это особое выражение человеческого духа — ннкогда еще не занимал у нас столь почетного места, как ныне. И я считаю это весьма ободряющим явлением, потому что народ, веками страдавший от унижения и порабощения и ставший ныне хозяином своей судьбы и своего социалнстического отечества, получил наконец право по-настоящему смеяться и радоваться жизни. Ведь смех — это самый верный союзник здоровья и к тому же характерная особенность свободного человека.

Аурел БАРАНГА,
главный редактор журнала «Урзика»

Рисуики Альберта ПОХА

Встреча в патентном бюро.

Виктор ПИЦИГОЙ

Доклад

На заседаниях доклады делает шеф Но пишу доклады я. Шеф вызывает меня только для того, чтобы дать кое-какие указания.

— Пусть доклад не будет слишком длинным, но и не слишком коротким. Примерно минут на двадцать. Конкретно, сжато, дельно подчеркнуть достижения, но не умалчивать и о недостатках. Можешь даже смело критиковать.

Вот это я люблю. Уж если речь заходит о смелости, за мной дело не станет. Разумеется, если доклад делает шеф.

— Вы хотите покритиковать кого-то персонально или вообще?

— Да, отдельных работников.

— В таком случае,— говорю,— я покритикую Фрынгюцэ. Скажу вам откровенно, дрянь-человек. Лодырь, легкомыслеииый, да при этом еще с большим гонором.

— С гонором, говоришь?

— Да, да.

— Хм, тогда не иадо, знаем мы таких: я ему слово, а он мне — десять. Нет, нет...

— Тогда покритикуем Конардэ.

— А что Конардэ?

— Болтун. Целые дни он мелет языком вместо того, чтобы работать.

— Ну вот видишь!

— Что вижу, товарнщ директор?

— Ты же сам сказал: болтун. А нет ничего опаснее, чем нажить себе врага-болтуна. Ославит на весь город.

— Вы так думаете?

— Конечно, мой милый. Не трогай болтунов. Ну-с, так кого же нам с тобой покритиковать?

— Может быть, Инелюша? Он вечно опаздывает на работу.

— Этого интригана?

— Вы полагаете, он плетет интриги?

— Плетет, мой милый. А мне только интриг и не хватало. Ведь всего остального у меня вдоволь. Нет уж, уволь!

У меня на лбу выступила испарина. Я сказал:

— Еслн так, товарищ директор, то, по-моему, надо отказаться. Сделаем доклад без критикн.

— Как без критики, мой милый? Разве нет у нас людей, с которыми не будет мороки? Нужен покладистый парень.

— То есть как покладистый, товарищ директор?

— Ну, скажем, такой, как ты.— Лицо шефа просияло, словно он сделал великое открытие.— А что?! Это идея! Вот себя ты и покрнтикуешь в докладе. Понял?

Я понял. Я раскритииовал себя смело и принципиально. А главное, конструктивно. Настолько конструктивно, что после заседания мои коллеги не могли удержаться от вопроса:

— Послушай, что шеф против тебя имеет?

А интриган Инелюш взял меня под руку и с нежностью шепнул на ухо:

— Клянусь, я узнаю, кто этот осел, который напнсал доклад для шефа.

Он ие узнал этого и по сей день. И думаю, что не узнает. Впрочем, меня это не волнует. Меня больше интересует, кто будет вместо меня писать доклады шефу, потому что из-за таких иедостатков, какие я сам у себя обиаружил, я наверняка буду выгнан со службы в шею...

Сади РУДЯНУ

Не надо, доктор!

— Доктор, дорогой, здрасте! Умираю... Доконал проклятый... Рвите его скорее...

— Пожалуйста, в кресло. Так... Откройте рот. Который, этот? Да-а, надо удалять. Одну минуту, только приготовлю инструменты.

— Доктор, милый, умоляю — только с наркозом. А то у меия и сердце пошаливает...

— Вот как! А кто вы по профессии?

— Фельетонист.

— Фельетонист?.. Погодите, погоднте. Кажется, я вас припоминаю. Не вы ли это тогда?..

— Я, я!

— Ах, так это вы-ы! Очеиь приятно. Помните, вы однажды тиснули сценку про зубного врача, который груб с пациентами, работает небрежно, вдобавок опаздывает на консультации? Вы его с грязью смешали...

— Да, кажется, припоминаю. Был какой-то Думитреску...

— Да, да. Какой-то... Я и есть тот самый Думитреску.

— ??!

— Точно... Откройте, пожалуйста, рот.

— Какой рот? Зачем рот?

— Зуб удалить.

— Как это удалить? Зачем удалить? Ничего мне не надо удалять.

— Но ведь вы как будто умирали сейчас от боли...

— Не-ет! Все прошло. А может, просто показалось. Никакой боли. Порядок. Спасибо и до свидания!

— Ну, смотрите. Если этот зуб не удалить, от него могут попортиться соседние.

— Да?

— Конечио. Садитесь, я сделаю вам укол.

— А, боже мой! Совсем забыл. У меня ведь заседание. Оставнм это на завтра... Может, и совсем пройдет... Уже не болит...

— Это недолго. Один момент — и все.

— Что все? С кем все?

— С зубом. Держите рот открытым, прошу вас. Та-ак, не закрывайте пока... А почему вы дрожите? Знаете, я после того вашего фельетончика целую неделю из дома не выходил... Стыдно было.

— Что это у вас в руках?

— Экстрактор.

— Какие огромные клещи!.. Как для лошадей. Слушайте, а у вас других клещей нету?

— Шире рот, пожалуйста... Так вот, я хочу вам сказать, что я тогда совсем не был виноват.

— Доктор, я приду завтра. Сейчас у меня все заморозилось, и никакой боли!

— Это невозможно. Я сделал вам инъекцию. Откройте рот... Да-а, так вот тогда вы ужасно ошиблись. Пальцем в небо попали.

— Доктор, дорогуша, а может, это клещи только для больших зубов? У меня ведь зубки ме-е-елкие... Знаете, у меня даже ботинки тридцать девятого размера...

— Успокойтесь, у меня одни клещи для всех зубов. Откройте рот. Так... Да, кстати говоря, в тот день, когда, по вашему выражению, я «работал небрежно», меня вообще на службе не было...

— Доктор, милый, вы мне только один зуб вырвете?

— Конечно.

— И только тот, что сгнил? Там ведь есть еще и хорошие зубы...

— Ну уж, очень хороших, знаете, не наблюдаю.

— Хорошие ли, плохие, но они мои. Заклинаю вас, оставьте их там на старых местах.

— Не волнуйтесь, я вытащу только один, больиой.

— А если по ошибке здоровый рванете?

— Ну, это редко бывает. Откройте рот. Так... Так вот, у нас в поликлинике был еще одии Думитреску, а вы, не разобравшись, поставили мои инициалы и приписали его грехи мне... Так-ак... Оп! Все. Вот он, ваш зуб.

— Этот?

— Да.

— Это он болел?

— А разве по нему не видно?

— Вы великнй человек, товарищ зубной врач! Честное слово. Пойду иапишу положительиую статью — да что статью, оду о зубных врачах. О вас напишу... Сердечиый вам привет и ради бога извииите за гнусные подозреиия.

* * *

— А-а, здравствуйте, товарищ доктор! Иу, как дела? Поиравилась вам моя статья?

— Поиравилась. Только вы опять перепутали. Иа этот раз вы расхвалили того Думитресиу, а не меня...

Перевели с румынского
С. ПЕТУХОВ и Д. ШПОЛЯНСКАЯ

Виктор ЕФТИМИУ

Заметки неделикатного человека

Тот, кто хочет быть хитрым, впадает в наивность: он уверен, что другие глупее, чем он.

Одии мудрец швырнул в колодец камень, и десять дураков кинулись его вытаскивать. Таким образом мудрец избавился от дураков.

На охоту за тигром не следует отправляться всей семьей.

Живой осел лучше мертвого льва, гласит пословица. А по-моему, живой осел лучше и живого льва. Если бы вам предложили на выбор погладить осла или льва, кого бы вы предпочли?

Владимир ЖИТОМИРСКИЙ

ШЕСТЬ ШАГОВ К ОБЪЯТИЯМ

Новое слово можно сказать в любой области — в науке, технике, искусстве. Даже в чесание собственного затылка при известной фантазии можно внести волнующий элемент новизны — ну, допустим, лечь на мостовую и потереться затылком о бампер автомобиля последней модели.

И только в любви не скажешь нового слова. Все было. Мало того, что о любви немало песен сложено; одна из них прямо и категорически предписывает о любви не говорить, поскольку о ней все сказано.

Но вот недавно выяснилось, что даже в сфере изъявления нежных чувств, на этом, казалось бы, вдоль и поперек истоптанном плацдарме можно произнести нечто неслыханное.

«ЗАЧЕМ ЖДАТЬ, ПОКА ТЕБЕ ПОДМИГНУТ? ПОПРОБУЙ МОРГНИ ПЕРВЫМ». Гениальный афоризм, не правда ли? И главное, свежо, не затрепано, оригинально. Немного, правда, попахивает той специфической любовью, которую суровые моралисты именуют продажной. Но не будем излишне строги к Джеймсу Томсону, автору афоризма,— он ведь не поэт и не бородатый менестрель в джинсах и с гитарой на веревочке. Он всего лишь профессор Гарвардского университета и специалист по Китаю.

Этот дипломированный специалист призывает Америку скорее подмигнуть Китаю. С нежным намеком и с игривым призывом.

А ведь еще не так давно, лет двадцать назад, о таком призыве не могло быть и речи. Не склонная к расточительству Америка швырнула шесть миллиардов долларов для сокрушения Китая, вставшего на социалистическую дорогу. Народный Китай отбился, выстоял. Заокеанская старуха скрежетала золотыми зубами...

Постепенно, однако, путь, по которому шел Китай, вызывал у старухи все более пристальный интерес. Вместо того, чтобы следовать прямым путем к социализму, Мао начал выделывать странные кренделя. Его заносило то влево, то вправо. Кренделя напоминали формой знак доллара. «Намекает, что ли?» — подумали в Вашингтоне. Сердца американских дипломатов забились сильнее.

И вот начались встречи послов — разве бывают романы без встреч? Полторы сотни раз садились послы за круглый стол, с интересом глядя в глаза друг другу. Тогдашний госсекретарь США Дин Раск, потирая руки, объявил, что такие встречи «открывают окно, через которое, возможно, однажды прольется свет».

Что ж, окно это распахивалось все шире по мере того, как маоистский Китай все плотнее закрывал дверь для истинных друзей китайского народа.

Теплота и томность взаимных взглядов, бросаемых через океан, росли не по дням, а по часам. На американском континенте решили, что настало время последовать совету Джеймса Томсона из Гарварда, явно выступающего в роли опытной дуэньи: зачем ждать, когда тебе подмигнут, бери инициативу в свои руки!

И вот уже заокеанская кокетка разрабатывает целую систему обольщения. Со страниц весьма близкого к высшим американским сферам журнала «Тайм» были оглашены предполагаемые шаги, ведущие к окончательному покорению сердца милого по ту сторону Тихого океана. Шагов таких, по словам «Тайма», следует сделать шесть. А именно:

1. Послать в Китай специализированные группы журналистов, ученых, художников. Такие респектабельные сваты наверняка смогут прозондировать готовность маоистов к более интимным отношениям. В свою очередь, может, и в Штаты пожалуют гонцы. Будем оч-ч-чень рады...

2. Снять эмбарго на торговлю с Китаем и начать всерьез торговать так, чтобы объем торговли уже через пять лет достиг 100 миллионов долларов в год... По сути дела, это весьма современная манера делать подарки, особенно ввиду острой нужды Китая во многих видах товаров.

3. Перестать столь рьяно препятствовать допуску Китая в ООН. Конечно же, приспело время сменить кнут на пряник.

4. Государственные деятели из Вашингтона должны быть более осторожны в своих выражениях, когда речь заходит о Китае. Иначе говоря, «осторожно — все сделать можно»...

5. Следовало бы подумать о резком сокращении «ядерного присутствия» США у границ Китая — на Окинаве. Тем более, что волны народного гнева, прокатывающиеся по Японским островам, грозят превратиться в губительную для американской военщины в Японии бурю.

6. Перестать хмуриться всякий раз, когда партнеры США пытаются установить отношения с Пекином... «Тайм» лаконично поясняет: «Чем больше у Пекина контактов с Западом, тем лучше...»

Шесть шагов к объятиям были намечены «Таймом» 6 июня. И вот извольте, уже 21 июля госдепартамент США объявил, что со среды, то бишь с 23 июля, он ослабляет ограничения на торговлю и поездки в Китай.

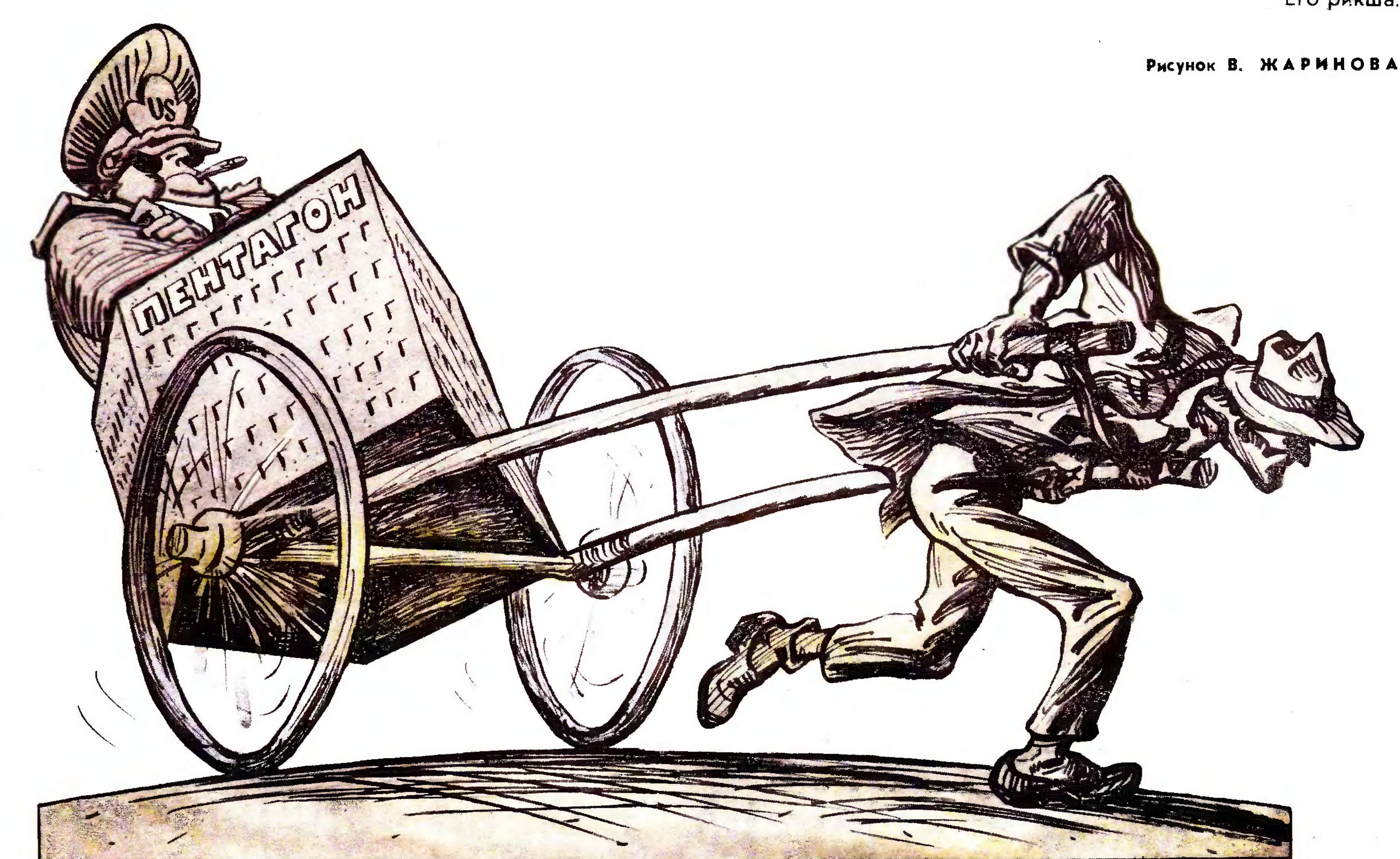
От любви до ненависти — один шаг, а от ненависти США к Мао до любви к нему же, как обнаружилось, всего шесть. Совсем не так уж много...

Азиатский воздыхатель пока что вынужден маскировать свои чувства, то и дело напыщенно заявляя о нелюбви и даже отвращении к другу сердца. Но не подходят ли здесь слова о милых, которые бранятся н тем только тешат себя? Флирт между американскими империалистами и маоистскими раскольниками бурно развивается. Что в перспективе? Брак по расчету?..

Ф. НОСКОВ

Пробел

«Цитатник вас
Спасет от всяких бед».
В Китае это
Каждому не ново.
А где семье
Взять риса на обед —
Об этом вот
В цитатнике ни слова.

Его рикша.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

Виктор ОРЛОВ

Золотая бузина

В ночной тишине, прерываемой лишь криками совы и звоном отдаленного колокола, сошлись трое. Они были в одинаковых темных плащах и шляпах, надвинутых на глаза.

— Пароль? — коротко бросил первый.

— Золотая бузина,— откликнулся второй.

— Отзыв? — прорычал третий.

— Отчего ты так грустна?— торопливо ответил первый.

Они пожали друг другу руки и окинули взором спящую громаду двенадцатиэтажиого дома — одного из тех, что горожане называли «матрацами». Лезть нужно было высоко — на девятый этаж...

...Рабочий кабинет композитора сиял мертвецким лунным светом. Самого композитора дома не было — он проводил творческую встречу в ресторане ВТО с хорошенькой исполнительницей цыганских песен (для жены: был на заседании секции теории вокала). Трое это знали по агентурным сообщениям.

Первый ловко вскрыл отмычкой ящик стола. Второй светил фонариком.

— Бузина? — нетерпеливо спросил третий.

— Она,— подтвердил второй.

...На перекрестке показалась высокая фигура милиционера. Она явно направлялась к троим. Трое спрятали руки за спины.

Шаг, еще шаг, еще один...

— Простите, можно автограф?— застенчиво попросил милиционер.

Первый с облегчением вынул авторучку. Двое других прятали лица в тени.

* * *

В ту же ночь в квартире поэта раздался звонок.

— Лапочка, это я,— проворковал далекий голос, мягкий, как байка.

— Кто? Что? — заорал ошалелый со сна поэт.

— Я. Муся.

— А-а...— Поэт перешел на нормальный ток.— Что так поздно?

— Вопрос нетактичный, но я не сержусь... Есть дело.

— Какое? — Поэт спросонья не мог найти выключатель.

— Золотая бузина.

— Нет, нет! — Поэт даже привскочил.— Это же мужской вариант. Понимаешь — только для мужчин!

— Но, лапочка, но можно же сделать женский.

— Нельзя. И, кроме того, она отдана.

— Кому? — Голос стал брезентовым.

— Не имею права. Тайна Эдвина Друцкого.

— Кому, лапочка? Ну? — Голос снова стал байковым.

— Муся, не терзай...— простонал поэт.

— Лапочка, нужно совсем немного... Ты не будешь замешан. Продиктуй слова — мы там сами изменим. Тактично, по-женски... Музыка-то все равно уже сперта.

Поэт вздохнул, как раненое животное.

— Золотая бузина, отчего ты так грустна...— начал он.

* * *

Зал сиял. Публика была в сборе.

Старый конферансье откашлялся, вытер платком мокрые руки и шагнул за занавес, как в воду. Сегодня он вел парад-алле молодых певцов — ипподромное нововведение эстрадных боссов, пускавшееся в ход, когда сборы с индивидуальных концертов падали.

— Молодой! Талантливый! Известный всем по телепередачам!— возгласил конферансье и с расстановкой выстрелил имя молодого и талантливого.

Раздались хлопки, жиденькие, как рисовый отвар. Молодой и талантливый, не смутившись, поднялся на цыпочках к уху конферансье.

— «Золотая бузина»! — прогремел в зал конферансье.— Музыка Эдвина Друцкого, слова Подосиновика!

Аплодисменты вскипели наваристыми щами.

На волне энтузиазма молодой и талантливый отрапортовал о бузине сносным баритоном. На смену ему уже спешил другой.

— Лауреат конкурса «Черноморское сияние»! — закричал конферансье и привычно наклонил ухо к лауреату.— Что? «Золотая бузина»! Музыка Эдвина Друцкого...

Публика послушно захлопала. Лауреат покричал строевым тенором и сгинул. На эстраду выпорхнула девица в дошкольном мини.

— Солистка ансамбля «Говорящие сороки»! — Конферансье наклонил ухо к девице и тут же отпрянул.— Гм... «Золотая бузина»...

Не дожидаясь аплодисментов, девица интимно обняла микрофон и замяукала басом.

...За кулисами допревали последние исполнители. Публика уже давно не хлопала. В буфете композитор волтузил поэта. Ему помогала исполнительница цыганских песен, снявшая свое выступление.

— Битлы из Гранд-Марьинска...— шептал в микрофон ошалелый конферансье.

— За-алатая бузина, отчего ты так грустна? — разноголосым хором начали битлы.

— И в кого ты влюблена, золотая бузина! — хором закончила публика и организованно покинула зал.

* * *

Старый конферансье вышел на воздух.

Мир сиял. Вспыхивали и гасли рекламы эстрадного театра—престарелая, дважды заслуженная заканчивала свой концерт женским вариантом «Золотой бузины». И на открытой сцене под шелест парковых лип заезжая знаменитость выводила: «Зо-льотая бьюзи-на...» Не засыпали цехи Апрелевского завода, нервные прессы штамповали диски, и девочки из ОТК в бархатных кабинах пытались угадать, отчего так грустна золотая бузина. И у теплого моря небритые парни в лаковых штиблетах уже налаживали свое чудовищное целлулоидное производство: «Прр-рывет из города Гагры! Золотая бузина! Испал-нает модерн-квартет Чачинского сыродельного комбината»...

Конферансье закрыл ладонями уши. Банный шум города, в котором сплелись неразличимые голоса лауреатов «Черноморского сияния», стих. И в благословенной тишине к нему вдруг приплыл откуда-то голос старого друга — добрый голос, который он узнавал по первой фразе песни. Ему вторил голос знакомой певицы, много лет певшей по-своему и о своем. И возник откуда-то совсем издалека дрожащий голос французского парня, чьи песни не мог петь никто другой по той причине, что это были его песни. И вспомнились Эрнст Буш, и Ив Монтан, и незабвенная Эдит Пиаф...

И с тоской подумал старый конферансье, что это совсем несправедливо, когда гала-концерты похожи на скучное железнодорожное полотно и одинаковые певцы стоят на этом полотне, как одинаковые стрелочники. И еще подумал он, что хорошо бы написать песню только для одного, неизвестного певца, чтобы она прославила его, а он — песню. Но на это вряд ли пойдет Эдвин Друцкий, привыкший к серой «Волге» и хорошеньким исполнительницам.

И еще подумал он, что хорошо бы написать такие слова, что не смогут петь чохом девица в мини, строевой тенор и сыроделы из модерн-квартета — ни в мужском, ни в женском, ни в детском варианте. Но их вряд ли отпрессуют блиц-поэты Подосиновик, Иван Подраненный и Светланкер...

И еще он подумал, что воровать песни так же стыдно, как деньги, но это вряд ли когда-нибудь поймет шустрая Муся из ансамбля «Говорящие сороки»...

И еще он подумал... Но это были праздные мысли, и старый конферансье поспешил залить их перед сном рюмочкой виньяка.

Самиг АБДУКАХХАР

ШУТКА

НЕОБЫКНОВЕННАЯ СВАДЬБА

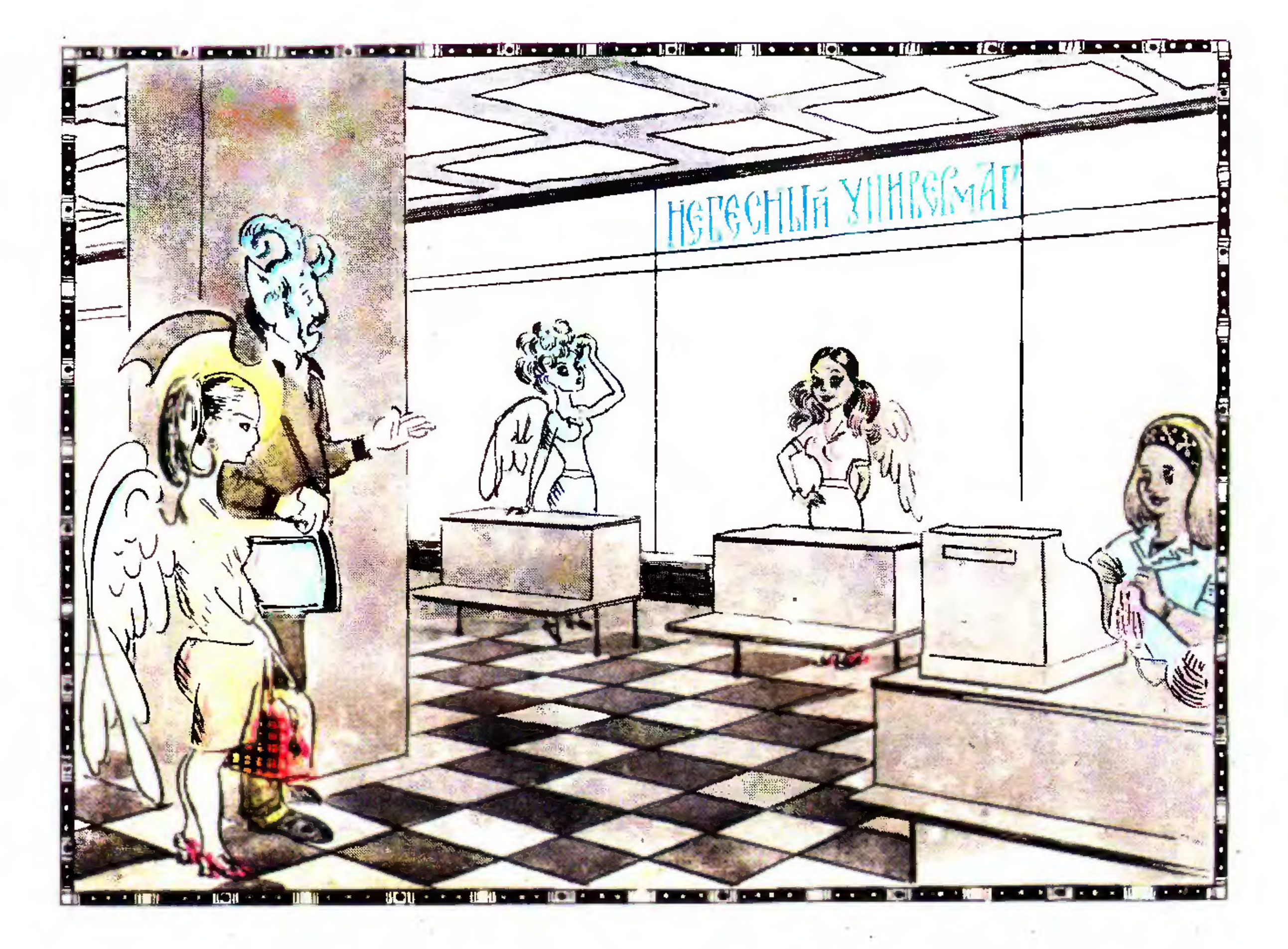
Такая нынче
мода почему-то:
Тщеславию отцов
благодаря
Один зовет на свадьбу
лилипута,
Другой, наоборот,
богатыря.
Саттар-ака
решил сосватать сына.
Пристал
и ну давай о том
о сем:
— Ты стал джигитом,
ростом в три аршина,
В твои года
я был уже отцом.
Саттар-ака
почти вкушал победу,
Все наступал
на сына-молодца...
И все назло
надменному соседу,
Что пригласил на пир к себе
борца!
— Гостей на свадьбе
будет двести — триста,
И кое-кто
похлестче силача!!!
И пусть артисты шпарят
твисты-мисты —
От танавара
и до ча-ча-ча...
Такую свадьбу мы, сынок,
сыграем!
В пять баллов
закачается земля.
От грохота
карная и сурная
Оглохнет на неделю
махалля.
И он осуществил
свой план как надо,
Ни денег он не пожалел,
ни сил...
Две местные
футбольные команды
Саттар-ака
на свадьбу пригласил.
Скажу:
такого тоя не бывало.
Запомнился гостям
надолго он.
Тесней расселись гости
у дувала,
И двор похожим стал
на стадион.
Защитник
резал для шурпы картошку.
А левый крайний
ставил самовар.
С тандыра
капитан срывал лепешки,
Их тут же брал без промаха
вратарь!
Свисток судьи!
Начало острой схватки.
Болельщики
глядят во все глаза.
Удар с угла...
Удар с штрафной площадки...
Еще удар...
И мяч влетел... в казан.
Бог с ней, с шурпой!
По ней никто не плачет.
Такой момент!
Опять свисток: рука!
Смешалось все...
Смешалась свадьба с матчем.
Соседа
победил Саттар-ака.
Умолк свисток,
и отзвучали твисты.
И год прошел
в заботах и делах...
Саттар-ака ждет
внука-футболиста...
А если девочку
пошлет аллах!!

Перевод с узбекского Дм. ПОЛИНИНА.

Ташкент.

Михаил БИТНЫЙ

ЧЕРТИ И АНГЕЛЫ

— Да здесь, я вижу, нет ни богу свечки, ни черту кочерги!

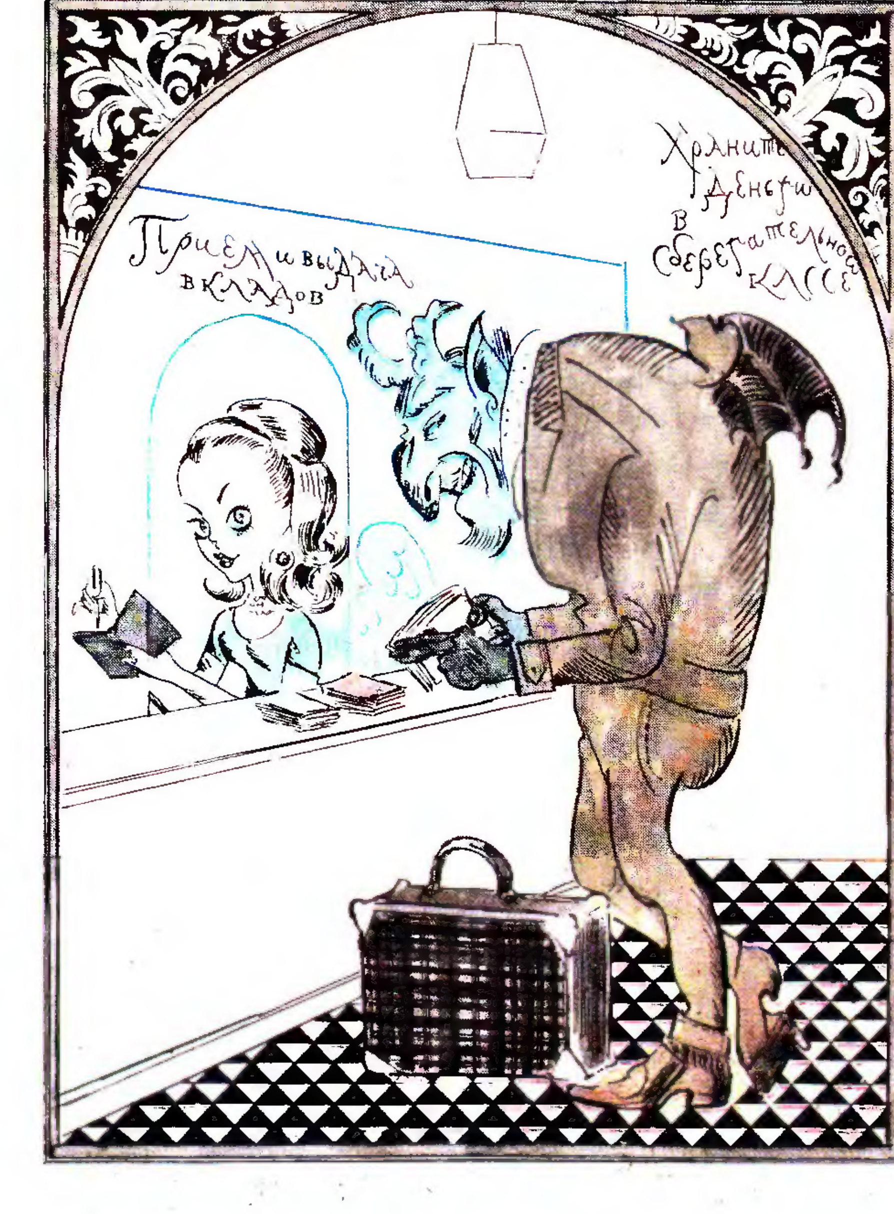
— Воспитывали, молились на нее, думали — святая будет, а она к черту пошла.

— Опять прогулял?
— А у меня день ангела был!

— А кто ее муж?
— Да так, какой-то мученик...

Ангел-хранитель.

— Я по опыту знаю, нам тут загорать долго...

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

НОВАЯ МОДА

Виктор АРДОВ

Я сидел в кафе, ожидая яичницу, которую мне обещала принести официантка. От нечего делать принялся рассматривать и помещение и посетителей. Внимание мое привлекли две гражданки лет по тридцать с чем-нибудь, которые пили какао за соседним столиком. Ну, нормальные такие модницы образца текущего года: волосы морковного цвета пострижены коротко и специально запутаны, юбки уже похожи на трусы; блузы линяло-попугайного цвета в узорах стиля южноамериканских индейцев; серьги типа канделябры и прочее такое... Беседуют между собою с большим азартом.

Я подумал: «Небось, обсуждают новые фасоны и новые ткани...». Прислушался. И что же донеслось до моих ушей? Сроду не отгадаете!

— Да-да-да! — бубнила та, что была поярче волосами, но побледнее блузкой. — Неопалимую купину я себе достала. Теперь еще хочется Николая Мирликийского — знаешь, бывают такие образки, где он благословляет народ...

— Какой народ? — с любопытством спросила вторая модница — та, у которой волосы были окрашены темнее, зато блузка была нахально пестрая...

— Какой, какой!.. Никакой! Он только руки так сложил... Но говорят, есть иконы тринадцатого века, писанные левкасом, им цена чуть ли не двести рублей...

Я, признаюсь, сперва не поверил своим ушам. Но беседа соседок продолжалась в том же духе.

— Лично я теперь ищу Нерукотворный спас. Вот это да!..

— Ну, безусловно... Кому не хочется добыть такой образ...

— Мне в одном месте обещали. Но, боюсь, Зойка перекупит. Ну, Зою Мерихлюндову ты знаешь? Так она буквально с ума сошла на почве икон там, иконостасов, складней, евангелий... Она хвастается, что у нее даже паникадила есть. Двенадцать паникадил, не считая лампадок, парчевых риз и вообще прочего церковного имущества...

— Ты подумай!.. Откуда у нее столько?!

— Она первая узнала, что сейчас иконы в моде. А характер у Зойки — сама понимаешь... Ну, она поднажала... Навезла полную квартиру этого добра и никого к себе не пускает... А мне так хотелось бы заиметь небольшой такой складень — знаешь, их называют триптих... Можно, конечно, и четырептих...

— А пятиптих не возьмешь?

— Я все возьму... Но теперь очень трудно стало: все собирают, все гоняются за разными там старухами, у которых можно перекупить или выменять... отнять, одним словом...

По совести сказать, я не выдержал и вмешался в разговор:

— Извините меня, гражданочки, но я должен вас проинформировать.

— О чем? — встрепенулись мои соседки.— Вы знаете, где можно достать интересные предметы культа?

— Точно. Но не православного. Сейчас это уже не модно.

— Как не модно?! — всплеснули руками обе дамы.

— Да, да, уже не модно. Со вчерашнего дня последним криком считается ассиро-вавилонский культ.

— Что-то мы про такое не слыхали,— недоверчиво протянула ярко-морковная дама.

— Да, из наших знакомых никто вавилонов не собирает...— подтвердила менее морковная.

— Потому что ваши знакомые отстают. И у вас есть полная возможность обогнать всех — даже Зою Мерихлюндову. Начинайте потихоньку коллекционировать ассирийские древности.

— А они какие? — с явным интересом переспросили обе сразу.

— Известно какие: барельефы полубыков. Мрамор и известняковые плиты.

— А большие они, эти плиты? На сколько конфорок?

— Конфорок в них нет никаких: это ж не для приготовления пищи... А так они скромные по размерам: метров шесть на двенадцать, на восемнадцать...

— Что-о-о?! Так как же мы их втащим в квартиру?!

— А зачем непременно в квартиру? Создайте у себя во дворе уголок вавилонского храма. Эти барельефы, потом — колонны с капителями в таком же вкусе... Ну, и доски с клинописью, безусловно.

— С чем, с чем доски?

— С клинописью. Как известно, в те времена писали не буквами, а клинописными знаками, которые еще не все расшифрованы, но они очень модные. Доски можно даже домой брать: встречаются небольшие дощечки размером два метра на два...

— Все-таки это громоздко,— подумав немного, заметила ярко-морковная.— А поменьше ничего не было там, в этом Вавилоне?

— Поищите. Может, еще найдете...

— Во всяком случае, спасибо вам за информацию! — кивнула головою менее яркая. И обе гражданки, сблизив до предела носы, горячо зашептались...

КРОКОДИЛ ПОМОГ

«В наш век информации»

Побывав на вокзалах некоторых городов, автор одноименного фельетона («Крокодил» № 18) С. Львов с сожалением убедился, что легче получить сведения о странствующих жонглерах средневековой Франции, чем простую справку о том, как проехать из пункта А в пункт Б. Был июнь, а справочные еще не снабжены летним расписанием. АСУ — то есть вокзальные автоматические справочные установки — тоже хранили гордое молчание...

Заместитель министра путей сообщения тов. Лемещук подтвердил, что действительно оформление новых листов АСУ систематически задерживается. Чтобы в будущем этого избежать, разработан новый способ оформления.

Что касается «Указателей железнодорожных пассажирских сообщений» для населения, которые также появляются в продаже с опозданием, то министерство обещает в последующие годы обеспечить более ранний выпуск справочника МПС.

Дали крышу!

В междуреченскую газету «Знамя шахтера» прибыл долгожданный «Москвич-408».

А между тем на дворе стояла зима. А машину поставить было некуда.

— Ия Александровна, — сказал шофер редактору, — Вон ведь многие частные машины стоят в госгаражах... И начальник междуреченской автобазы Ложкин держит свою персональную, чтобы поближе к жительству шофера... Дадут и нам местечко, а пока я его, родимого, куда-нибудь приткну.

И, полный радужных надежд, водитель погнал машину к своему родному дому и поставил в ограду.

Но надежды обманули водителя Алексея Орлова. Посещение горисполкома не дало ощутимых результатов.

Правда, в конце концов редакционному экипажу было дозволено по ночам находиться в гараже райздрава. Однако там над «Москвичом» произвели вивисекцию. Сняли «прикуриватель», сорвали включатель печки, слямзили пробку бензобака, стибрили передний амортизатор.

Редакция поделилась своим горем с Крокодилом. И Крокодил помог. Вот выдержки из двух писем, полученных из Междуреченска:

«Спасибо, нам вернули все детали, которые были сняты с машины. С уважением, шофер редакции А. В. Орлов». «Благодарим Вас за помощь, оказанную редакции. «Москвичу» предоставлен гараж, который раньше занимал директор автобазы тов. Ложкин. Редактор И. Татарникова».

«Без извинения»

Под таким заголовком в № 17 «Крокодила» была помещена заметка о том, что на Заволжском моторном заводе, что в Горьковской области, выпускают недоброкачественную продукцию. А когда негодные моторы возвращают, завод-то не особенно торопится исправлять свой брак.

Начальник ОТК завода тов. Сарынин сообщил, что выступление журнала признано правильным. Приняты меры к тому, чтобы претензии потребителей не откладывались в долгий ящик, как это было раньше, а рассматривались немедленно. Проводится работа по повышению надежности двигателя.

А ГДЕ ЖЕ ГОНДОЛА?

Гондолы, представьте себе, нет. Потому что это не Венеция, как вам показалось, а Пенза.

Точнее сказать, подступ к дому № 41 по улице Вяземского. Таким он был из-за канализационных неурядиц пять лет назад, так выглядит и сейчас...

Впечатления и отзывы об этом пахучем венецианско-пензенском пейзаже жители адресуют непосредственно горисполкому. Впрочем, это мало помогает...

...Где ваша сладость?

Это была любовь с первого взгляда. А. В. Козулин встретил свою мечту в Смоленске в августе прошлого года. Встретил, чтобы, как он надеялся, никогда не расставаться.

— Моя! — сказал Козулин властно.— Заверните!

И она стала его. За 105 рублей 87 копеек.

Так год тому назад сбылась мечта жителя гор. Витебска А. В. Козулина. Она так и называлась: радиола «Мрия», что по-русски означает «Мечта», продукция Днепропетровского радиозавода.

Увы, счастье было недолгим. На третий день у мечты отказал длинноволновый диапазон, и ее владелец отправил «Мрию» в ремонт.

...Пришла зима холодная, мороз залютовал. Но А. Козулин не забыл своего августовского счастья, не забыл своей хрупкой мечты. Он так и написал на завод-изготовитель: «Где моя «Мрия», громодяне?» И правильно сделал, так как только после этого ему наконец прислали отремонтированную мечту. А. Козулин включил «Мрию» в сеть. Увы! — она не работала. Мало того, это была разбитая мечта: корпус ее был сломан.

— Мечты, мечты, где ваша сладость?..— бормотал несчастный Козулин, снова заколачивая мечту в ящик и отправляя его в Днепропетровск, оплатив, естественно, доставку.

Они встретились снова в начале 1969 года, и он ее не узнал. У нее резко изменился характер. Она как-то сама по себе, независимо от воли владельца, включалась и выключалась.

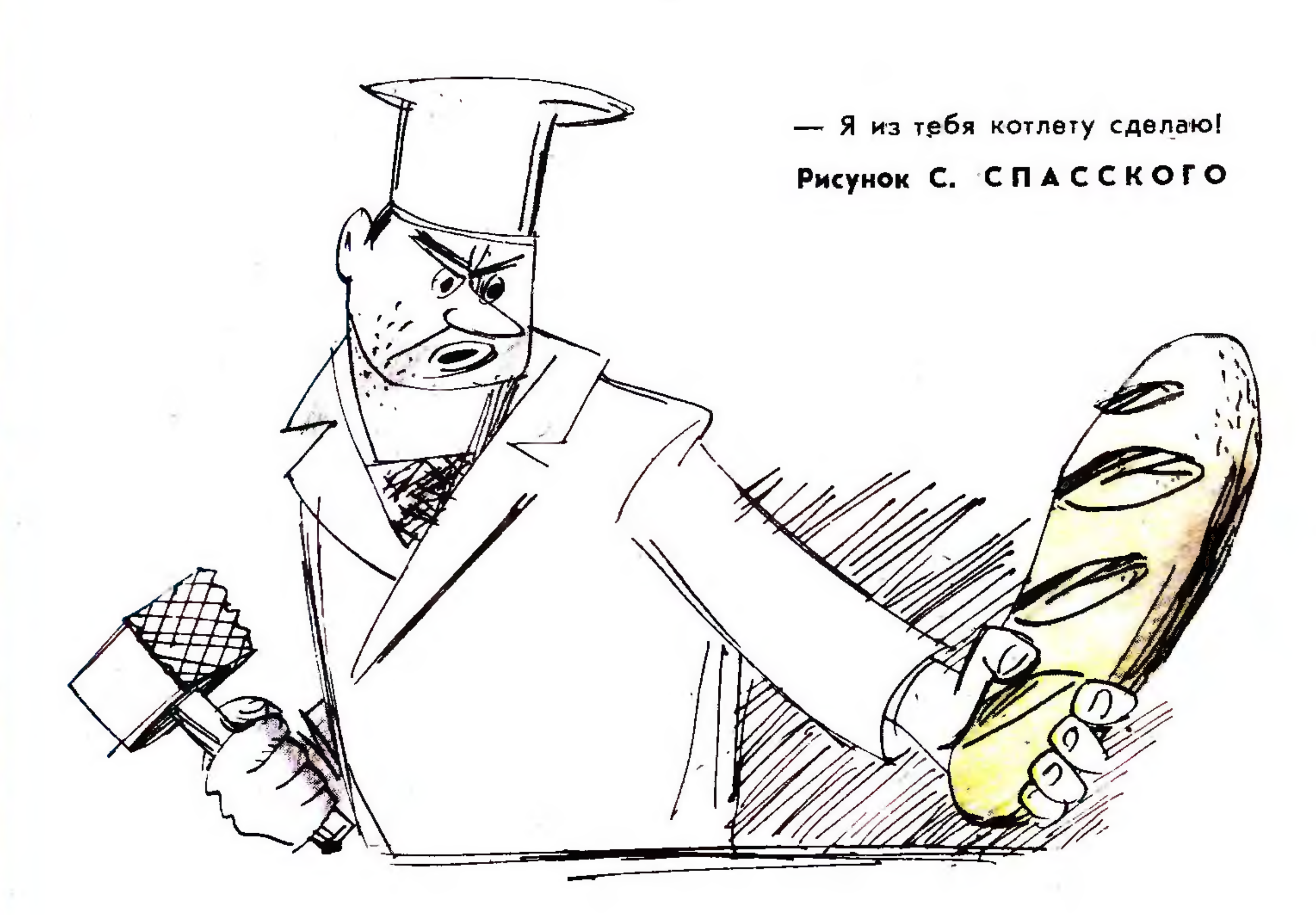
В апреле, когда на Днепропетровщине деревья покрываются легкими, как мечта, листочками, у «Мрии» сломалась адаптерная головка.

Рассказывают, что, сдавая ящик с «Мрией» на почту, А. Козулин отправил телеграмму с оплаченным ответом следующего содержания:

«Днепропетровск зпт радиозавод зпт начальнику БГО Канторовичу я пережил свои желанья зпт я разлюбил свои мечты тчк третий раз возвращаю «Мрию» Козулин».

На что тов. Канторович кратко ответил в том смысле, что «мечтам и годам нет возврата зпт Канторович». И был классически прав.

Устин МАЛАПАГИН

— Я из тебя котлету сделаю!

Рисунок С. СПАССКОГО

ЛАВР ПОБЕДИТЕЛЮ

Призывно загудели сигналы, и один парк пошел войною на другой. Уже первая атака принесла полный успех. На оккупированной площади соорудили, как символ победы, диспетчерский пункт.

Один парк именовался Сумским автобусным парком, другой — парком культуры и отдыха. Когда-то на площади перед входом в него благоухала клумба, мудро философствовали голуби, гвоздика источала соответствующий запах.

Теперь на месте клумбы — яма незначительной глубины. Семь автобусных маршрутов утюжат площадь, торпедируя голубиную философию. Запах гвоздики вытеснен ароматом ДВС (двигатель внутреннего сгорания).

Ныне Центральный сумский парк культуры и отдыха — место влюбленных. Мало кто тревожит их любопытным взглядом. Молодые! Что стоит им, лавируя, проскочить между автобусами! Для граждан же среднего возраста и гуляющих с детьми это затруднительно. Обитель культуры и отдыха вновь приобретает первозданную тишину. Слава победителям!

Р. К.

Новая штурмовая волна не принесла успеха: двери ульяновского ресторана «Россия» не открывались.

— Почему? — возмущались женщины. — Ужинать время...

— Тише, дамочки, не шумите,— зевнул бородатый швейцар,— не велено пускать вашего брата женщину.

Ему на помощь спешила административная единица.

— И незачем! И незачем! Вы что? Возьмете бутылку ситра и весь вечер человеко-место зря занимаете. Ни есть, ни пить как следует не умеете. Слабый вы пол, бабоньки, это уж точно. А нам нужен экономически эффективный посетитель... А ну, расступитесь,— добавила руководящая единица, заметив на лестнице прилипшую к перилам фигуру,— дайте настоящему посетителю выйти. Да поосторожней, на руку ему не наступите.

И над поникшими кудряшками грянул зазывной клич:

— Одно место освободилось! Мужчина, проходи!

Ресторан делал выручку.

А. БАЛАШОВ

КАК ВЕТЕР МАЯ

Небезызвестный герцог устами сотен теноров вот уже сколько лет не устает твердить об изменчивости и переменчивости красавиц. А я вот утверждаю, что самой легкомысленной красавице далеко в этом смысле до почтенных плановиков из треста «Днепроэкскавация», которому подчинено наше Запорожское строительное управление. Планы первого квартала они меняли пять раз подряд, а изменчивый ветер мая принес ломку планов второго квартала. Задание на выполнение работ маятником раскачивается от двух миллионов рублей с малым до трех миллионов без малого.

И вы думаете, что трестовики осуществляют ломку показателей заблаговременно? Ничего подобного! Изменения на квартал продолжаются чуть ли не до последних его дней. Только наберешь необходимое число строителей, наладишь определенный режим работы, как — бац! — все летит кувырком, от этой чехарды темнеет в глазах и нервно сотрясается весь организм СУ.

Не удивительно, что дела в нашем управлении идут вкривь и вкось. И, очевидно, будут так идти до тех пор, пока трестовские плановики не усвоят, что планирование — взгляд вперед, а не назад, причем без подмаргивания и подмигивания через каждые несколько дней.

В. ЩЕКИН, старший бухгалтер стройуправления.

г. Запорожье.

Когда на складе готовой продукции образовалась зияющая пустота, перед Измаильским заводом оцинкованной посуды сам собой встал вопрос:

— Из чего теперь делать тазики?

Опыт подсказывал, что их можно конструировать из глины, металла и полимеров. Но глина была пройденным этапом, полимеров завод еще не освоил, а железа оставалось на два с половиной тазика, не больше.

Пришлось использовать внутренние ресурсы — железную экономию и железную дисциплину. Вместо двух с половиной тазиков сделали пять. На этом металл иссяк, и вопрос еще более обострился.

Поставщик металла, Ждановский металлургический завод, на все телеграфно-телефонные воззвания отвечал уклончиво или не отвечал вообще.

Выход напрашивался один: снарядить в Жданов толкача.

— Нет, нет,— сказал директор,— никаких толкачей!

— Вы это в принципе?! — удивился главный инженер.— Или как?

— Возможно,— сказал директор.— А что?

Борис ДАНЕЛИЯ,
специальный корреспондент Крокодила

КАВАЛЕР ЖЕЛЕЗНОГО ТАЗИКА

— Да нет, ничего,— пожал плечами главный.— Вам виднее.

Поведение директора было тем более странным, что между двумя городами и двумя предприятиями давно был проложен прямой маршрут, по которому то и дело сновали заводские посланцы.

Но директору и в самом деле было виднее.

Дело в том, что в отличие от прежних толкачей на нынешних возлагается куда более деликатная миссия. Отправляясь в дорогу, нынешний толкач едет не с пустым увесистым кулаком, как прежде, а везет с собой разные безделушки... То ли сувенирный бидончик с медом, то ли памятный туесок с вологодским маслом, то ли подарочный букет ароматных юбилейных коньяков.

— А что мы повезем? — потускнел директор.— Тазики?

— Почему же тазики? Как всегда, по традиции!

Директор и сам был не против традиций. Но общение с поставщиком на такой основе требовало дополнительных, внеплановых расходов. До сих пор их списывали на хоккейные клюшки и волейбольные мячи. Теперь такой возможности не было.

— Вот если бы кто-то во имя общего дела,— с робкой надеждой сказал директор,— взял эти расходы на себя, тогда, пожалуйста!

Главный инженер не колеблясь привстал, но его решительно опередил начальник отдела кадров.

— Я не могу! — твердо сказал он.— У меня семья... дети... моторная лодка!

— И у меня лодка! — сказал главный инженер.— Я тоже не могу!

Все расходы в конце концов решили покрыть за счет самого толкача.

Только толкач в данном случае нужен был не обычный, а способный в некотором роде на подвиг — скромный и застенчивый.

Выбор пал на бригадира цинковальщиков И. В. Полякова.

На другое утро бригадир прибыл в контору в свежеотутюженном костюме и в галстуке из блестящей ткани. В руках он держал легкий дорожный саквояж.

Скромный багаж заводского полпреда сразу насторожил дирекцию.

— Как! И это все, с чем вы едете? А где сувениры?

— Какие сувениры?!

Написанное на лице заводского полпреда младенческое изумление говорило о том, что он явно не уловил глубокого смысла возлагаемой на него ответственной миссии.

— Сувенир, как известно, памятный подарок,— раздражаясь, сказал главный инженер.— А что может быть лучшим подарком с берегов Дуная? В Дунае плавает что?

— П-пароходы!

— Пароходы плавают по Дунаю,— вспылил главный инженер,— а в Дунае плавает селедка! Ясно?

Вникнув в суть дела, толкач выразил готовность постоять за тазики до конца... Но когда выяснилось, что селедку он должен купить за собственные деньги, бригадир снял галстук и стал натягивать спецовку.

— Сейчас же наденьте галстук! — топнул башмаком главный инженер.— Вы что, не патриот своего завода? Не член коллектива?

Бригадир стыдливо сослался на свою некредитоспособность.

— Возьмите у жены! — нашел выход начальник отдела кадров.— В конце концов вы ей не чуждый элемент!

Последовавший далее намек, что есть, мол, оказывается, еще люди, которые ставят личное выше общественного, вогнал бригадира в краску.

Пристыженный бригадир пошел на уступки. Он согласился взять у жены деньги, купить селедку и доставить ее адресату. Тем более что дирекция приняла на себя обязательство фиктивно оформить на работу свояка толкача, начислить ему зарплату и по прибытии металла выплатить эти деньги толкачу как компенсацию за селедку.

— Смотрите на вещи проще! — напутствовал бригадира начальник отдела кадров.

В тот же день, кряхтя под тяжестью раздобытого у местных браконьеров пузатого бочонка с дунайской сельдью, заводской полпред отправился на вокзал.

Увидев на перроне милиционера, начинающий толкач почувствовал, как воровская ноша навалилась на него стопудовым грузом. Но, вспомнив полученные наставления, он тут же выпрямился и посмотрел на милиционера невинными глазами.

Толкачи бывают посредственными и одаренными. Начинающий толкач с берегов Дуная оказался настоящим самородком. Едва ступив на землю прославленных металлургов, он снабдил свой бочонок четкой лаконичной надписью:

«СЕЛЕДКА ДУНАЙСКАЯ СВЕЖАЯ»

Потом взял такси и подался на завод. Там он вылез у проходной, поставил бочонок торчком и, сев на него верхом, замер, как рыбак в ожидании клева.

Вскоре в Измаил одно за другим стали поступать донесения:

«Нашел нужного человека»... «Селедку отведал, говорит, хорошая»... «Металл отгрузил!»...

Человек, презревший все личное во имя общего дела, достоин всяческого поощрения. Возможно, это был как раз тот подходящий случай, когда следовало учредить внутризаводской нагрудный знак отличного снабженца — «Золотой тазик».

Но бригадир на тазик не претендовал.

Единственно, о чем он мечтал,— это поскорее получить деньги, истраченные на селедку, чтобы залатать зияющую брешь в своем семейном бюджете. Поэтому, едва соприкоснувшись с перроном родного города, он прямо с вокзала помчался на завод.

У заводских ворот его поджидал принаряженный свояк. Бригадир взял свояка за руку и поспешил с ним в расчетную часть.

— Мне здесь, кажется, причитается? — небрежно бросил он кассирше.

Застывшая в кассовом окошке, как портрет в раме, кассирша утвердительно кивнула головой.

Бережно спрятав в карман зарплату, бригадир вторично просунул в кассовое окошко свою прославленную голову.

— А теперь дайте ему,— сказал он.— Моему свояку.

Не обнаружив в ведомости бригадирского свояка, кассирша виновато пожала плечами.

— Ведь за селедку же! — кинулся бригадир к директору.— Пятьдесят рублей! На общее, можно сказать, благо!

— В чем дело? — пригласив главного инженера, осведомился директор.— О какой селедке идет речь?

— Понятия не имею,— сказал главный инженер.

— А вы? — вызвал директор начальника отдела кадров.

— Впервые слышу,— сказал начальник отдела кадров.

Бригадир ощутил, как к горлу подкатывает ком, а в душе нарастает отвращение ко всякой рыбе.

И тогда бригадир взглянул на все происходящее несколько проще. Он взял квитанцию на междугородные переговоры и исправил в ней цифру 6 на цифру 8. Потом чуть помедлил, взглянул на все еще проще и поставил перед восьмеркой палку. Вместо обозначенных в квитанции шести рублей получилось восемнадцать.

Квитанцию бригадир приложил к отчету.

— Так,— сказал директор, узрев подлог,— поси-дите! — И пригласил главного инженера.

— Так,— сказал он еще раз,— поси-дите! — И пригласил начальника отдела кадров.

Когда явились главбух, председатель месткома и представители заводской общественности, директор, негодуя, сообщил:

— В нашем коллективе объявился нечестный человек!

— В нашем? — поразился главный инженер.— Не может быть!

— А я-то думал, что это патриот, передовик,— покачал головой начальник отдела кадров.— А он вон, оказывается, какой!

Всеобщее возмущение нечестным поступком бригадира увековечили в официальном документе: бригадиру влепили выговор.

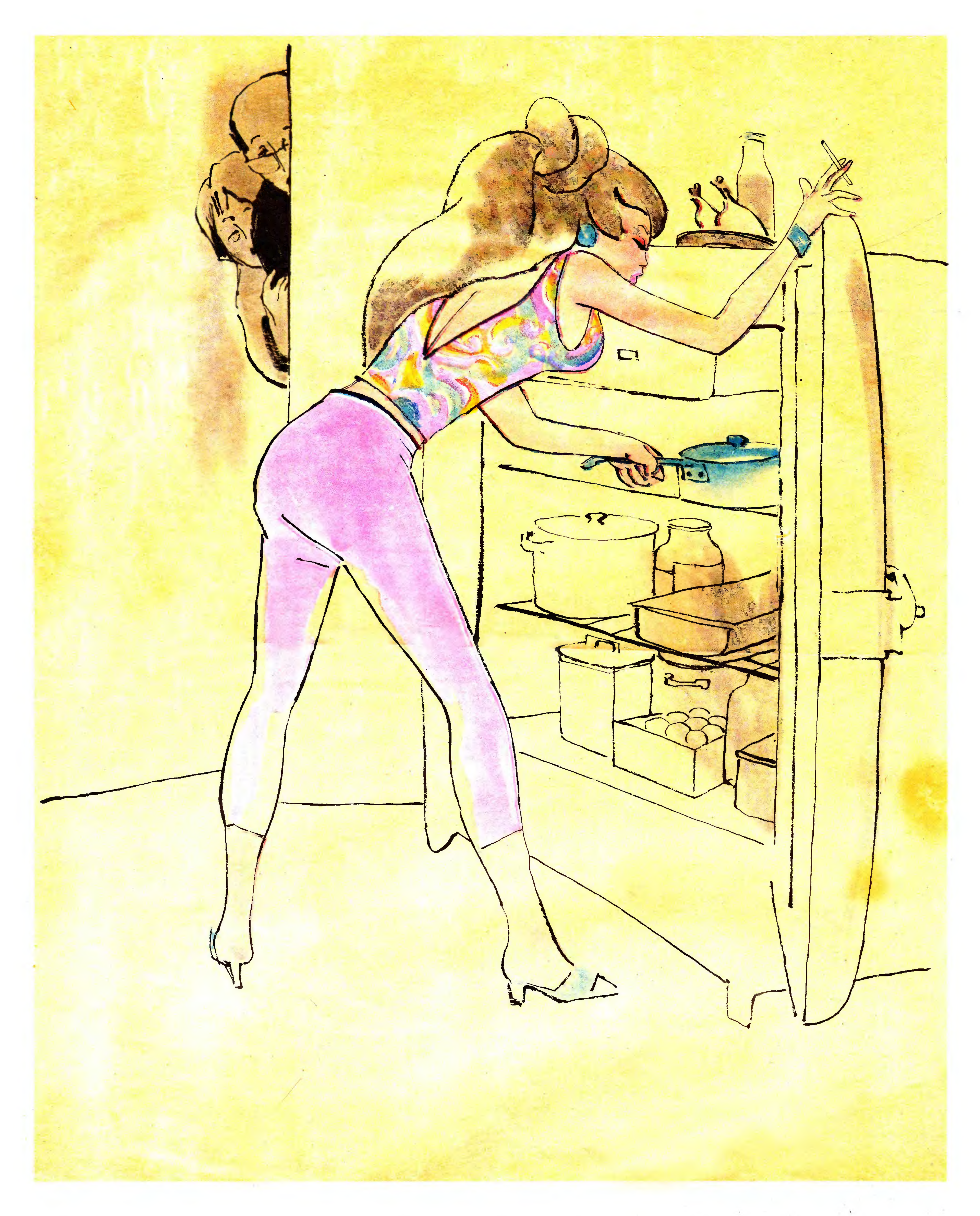
Заявление об уходе по собственному желанию бригадир подал сам.

Конечно, бригадира есть за что наказать: и за браконьерскую селедку, извлеченную ночью из прибрежных камышей, и, тем более, за подделку денежного документа.

Но если кто-то и должен был это сделать, то уж не директор завода Петр Михайлович Рогачко, не главный инженер Виталий Евгеньевич Янишевский, не начальник отдела кадров Владимир Петрович Остапец, которые сами же и толкали его на это.

Поскольку статута для Кавалеров Железного Тазика еще не изобрели, стоило бы увековечить их деяния хотя бы в каком-нибудь ведомственном манускрипте. В назидание современникам и потомкам.

Пусть знают, что если горшки обжигают не боги, то и тазики делают тоже не святые.

— Радуйся, отец, наша дочь сама добывает себе пищу!

Рисунок Евгения ШУКАЕВА

Жилец с четвертого этажа встречает жильца с третьего этажа и говорит извиняющимся тоном:

— Вчера у нас была небольшая пирушка. Собрались старые товарищи по кавалерийскому эскадрону. Надеюсь, мы вас не очень беспокоили?

— Нет, дорогой сосед, нисколько, но мне хотелось бы только знать, каким образом вам удалось поднять наверх лошадей?

●

Приятель советует жениху:

— Не женись в феврале, лучше в марте!

— Какая разница?

— Выгадаешь один месяц.

●

Кассир, войдя к директору:

— Господин директор, мне необходимо уйти.

— А можно узнать, куда?

— На скачки.

— Вы с ума сошли! В рабочее время?! Ведь скоро ревизия.

— Да, это мой последний шанс возместить недостачу.

●

В брачной конторе.

— Вы кого предпочитаете, мисс, блондина или брюнета?

— Рыжего. У меня мебель красного дерева.

●

Пешеход останавливает на шоссе легковую машину:

— Извините, сеньор, вы не будете столь любезны довезти до Рима мое пальто?

— Пожалуйста. Только как вы получите его в Риме?

— Если вы не возражаете, я в нем останусь.

●

Студент хнычет:

— Профессор, я не заслуживаю двойки...

— Знаю, но, к сожалению, более низких отметок у нас нет.

●

— Вы чем-то озабочены, фрау Вебер?

— Еще бы. Мой муж не умеет играть в карты.

— Я бы радовалась на вашем месте.

— Беда в том, фрау Клинке, что он не умеет, а играет...

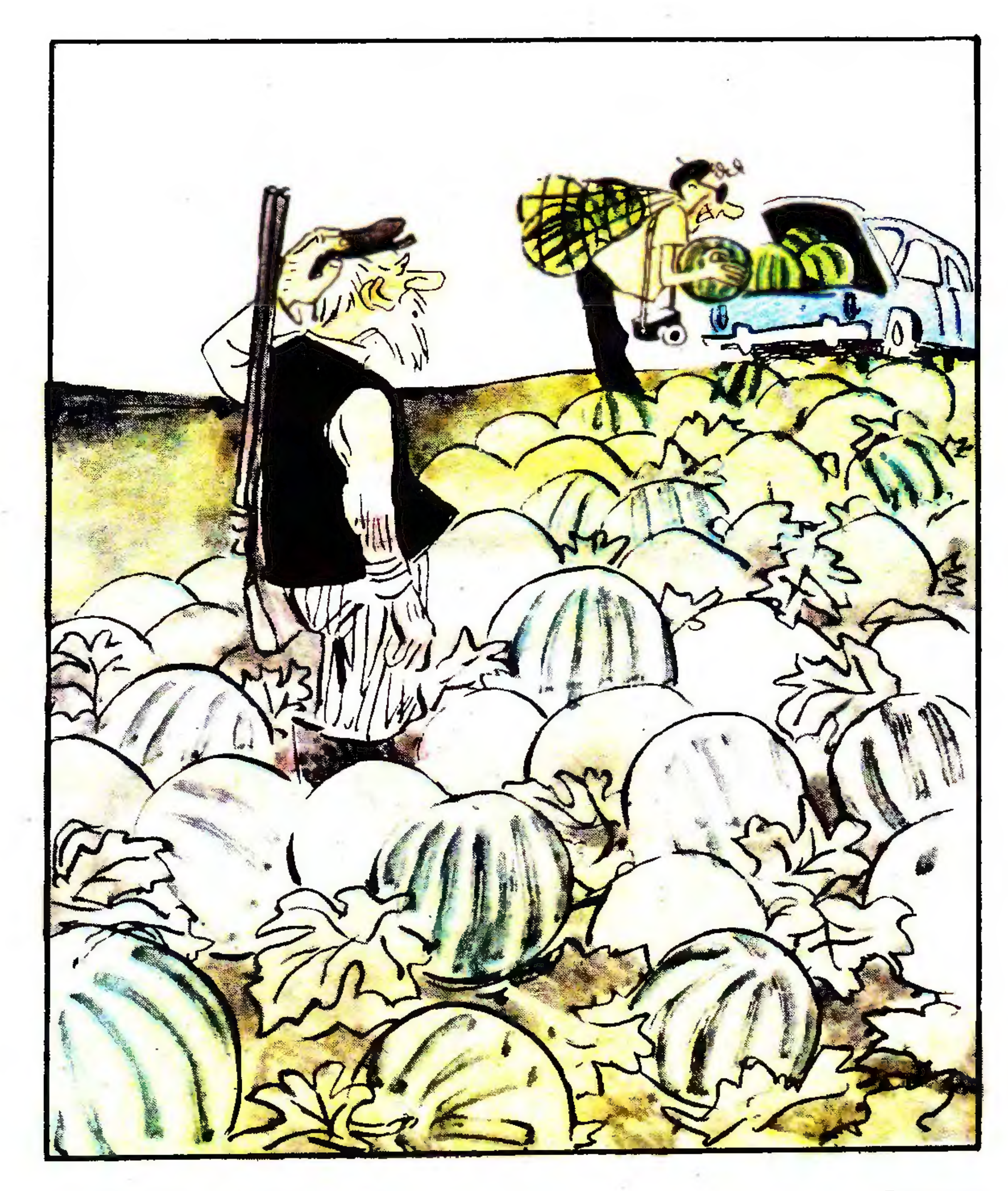
●

Два американца беседуют на политические темы.

— Ситуация в Южной Америке изменилась...

— Конечно! Раньше визит официальных лиц из США был актом дипломатии, а теперь это акт мужества.

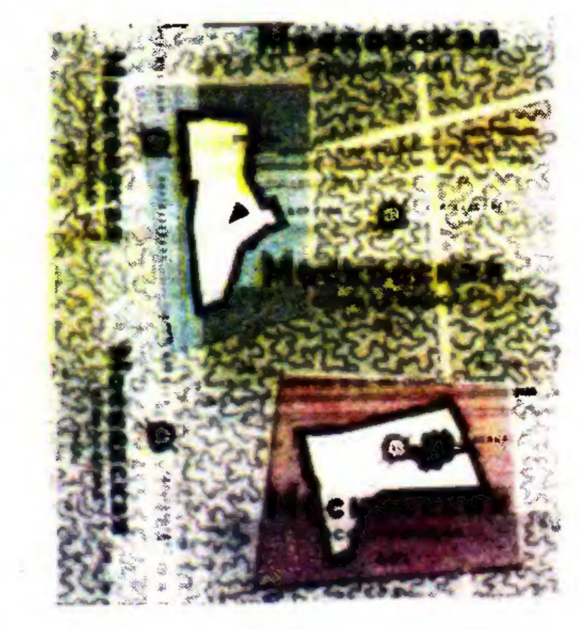
●

— Обещал взять интервью, а взял арбузы!

Рисунок А. ЦВЕТКОВА

Нарочно не придумаешь

Так выглядит ярлык, наклеенный на коробку с босоножками, изготовленными Киевской фабрикой № 4.
Покупатели ломают головы, стараясь уловить взаимосвязь между «Особой московской» и обувным производством. Пожелаем же им успехов в этом запутанном деле.

«В училище принимаются юноши и девушки в возрасте от 15 до 45 лет».

«Белгородская правда»

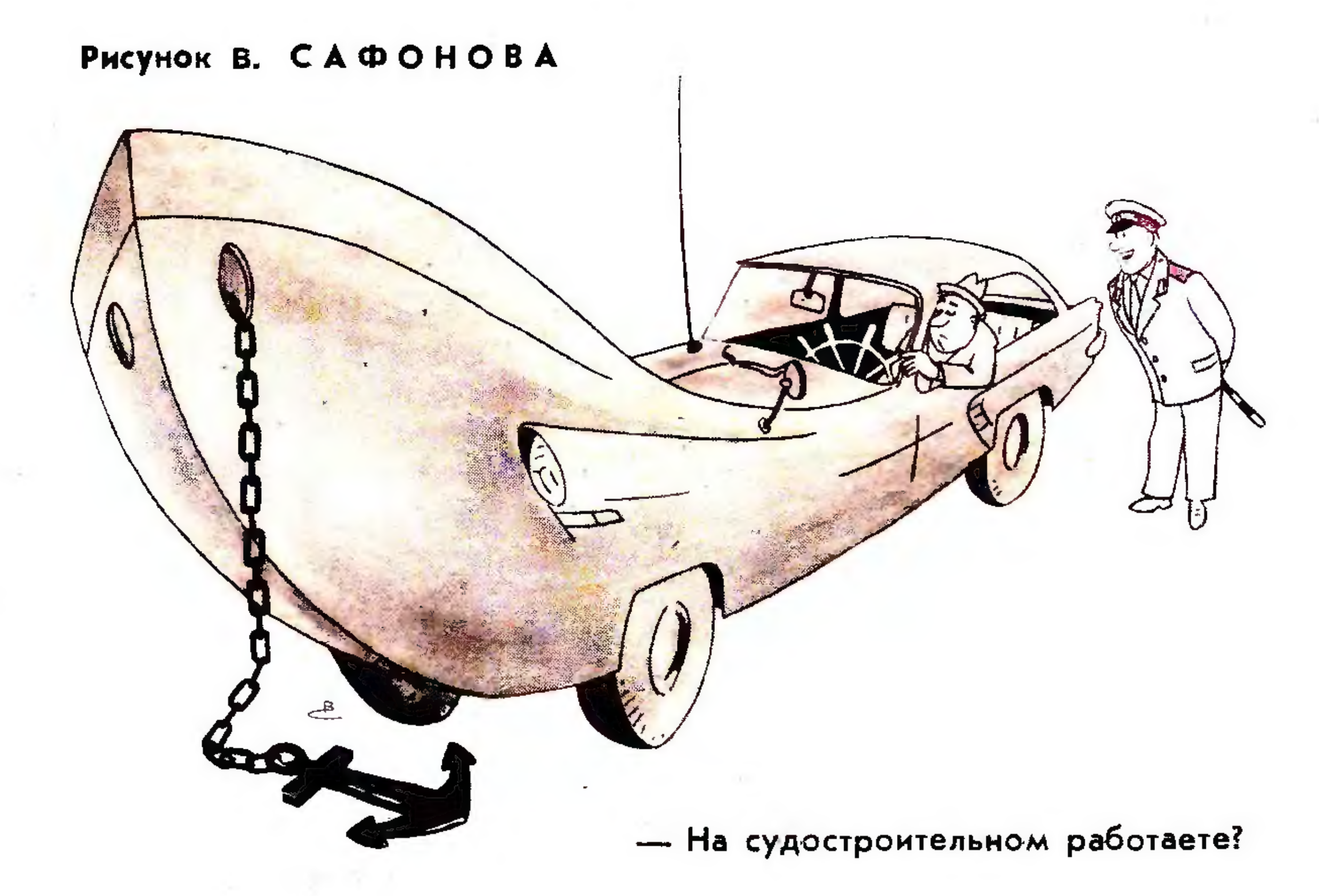
«Горбыткомбинату требуется опытный водитель мотороллера для работы на мотопиле».

«Советское Приднестровье», г. Белгород-Днестровский.

«Я, Триханов В. П., даю настоящую подписку отделу милиции, что обязуюсь в дальнейшем распивать спиртные напитки и хулиганить только у себя в квартире».

Выписал Г. Бараксанов
г. Саратов.

Рисунок В. САФОНОВА

— На судостроительном работает?

Рефик ЗЕКА

Без подписи

Писатель я, друзья,
по всем приметам,
Хоть имя мне открыть свое нельзя,
Пишу я днем и ночью жарким летом,
Строчу я в лютый холод,
но при этом —
Без подписи, без подписи, друзья...

Пишу не ради денег, не для славы,
Трудна моя нелегкая стезя.
Пусть будете вы правы,
пусть неправы —
Пишу на всех, прошу на всех управы
Без подписи, без подписи, друзья...

Поет мое перо без сожаленья,
Бумажными тропинками скользя,
Вы дарите мне, люди, вдохновенье,
Которое рождает сочиненья
Без подписи, без подписи, друзья...

Я был корреспондентом
ста инстанций,
Писал на всех, прося, разя, грозя,
На каждый звон стремился отозваться,
Откуда б он ни начал раздаваться,—
Без подписи, без подписи, друзья...

Пишу я, как поэт, который пишет,
Когда уж не писать ему нельзя,
Мой трудный жанр
всегда предмет отыщет,
И жаром анонимка вмиг запышет
Без подписи, без подписи, друзья...

Я подписи своей вам не открою,
В письме к жене
не ставлю подпись я...
Я многих подружил с лихой бедою,—
Когда умру, хочу быть под плитою
Без подписи, без подписи, друзья...

Надежда

Говорила супругу супруга:
— Ты бездельник, пьянчуга и мот,
Мы живем исключительно туго,
Как никто, кроме нас, не живет!

Я не вижу какой-либо меры,
Только жить, как жила, не могу:
Мы в долгу у Любови, у Веры,
Мы у матери Софьи в долгу...

Исчезает из дома одежда,
Что ни день, снова деньги нужны.
Что осталось?
— Осталась надежда...
— И Надежде мы тоже должны!

Выход

— Землетрясенье! Буря!! Шквал!!!
Куда бежать?!
— Чудак!
Скорей налей полней бокал,
Чтоб не пропал коньяк!

Бросил

— Я брошу курить,—
уверял меня друг
В ответ на немые вопросы,
Но снова и снова дымился вокруг
Весь мир от его папиросы...

— Я брошу курить,—
заверял он семью,—
Последняя пачка — и точка! —
За пачкой вытаскивал трубку свою
И тут же просил огонечка...

— Я бросил курить,—
заявил он опять...
— Не бросил,— сказал я,—
трепач ты!
— Нет, бросил! — он крикнул.—
Я бросил... бросать! —
И взял папиросу из пачки...

Перевел с азербайджанского
Андрей ВНУКОВ

С НАГРАДОЙ!

Редакция газеты «Народна младеж» (Болгария) провела международный конкурс на лучший юмористический и сатирический рассказ.

С удовольствием отмечаем, что в числе лауреатов конкурса — два крокодильца. Одну из трех первых премий — «Золотой Ежик» — получил Леонид Сергеевич Ленч. Одну из четырех вторых премий — «Серебряный Ежик» — жюри присудило Елене Александровне Цугулиевой.

Крокодил поздравляет обладателей «Ежей» и желает им новых творческих удач.

Юрий ЗОЛОТАРЕВ

ОДИН ИЗ ДВУХ

Вы уж извините за банальную ситуацию, но только двое юношей, Виктор и Сергей, ухаживали за одной девушкой, Мариной.

И, представьте, ухаживали очень красиво и честно, поочередно даря Марине то цветы, то духи.

Словом, шло у них здоровое соревнование, в котором решающее слово должна была, естественно, сказать сама Марина.

А Марина молчала.

Марина мучилась и терзалась, советовалась с домашними и даже с отдельными представителями домовой общественности, но так и не могла прийти к окончательному решению.

Между тем огонь любви пылал.

И время шло. А время, как известно,— фактор, который может сыграть роль огнетушителя.

И вот однажды Марина отказалась от приглашения Виктора пойти в театр, отклонила предложение Сергея прогуляться в парке и сказала:

— Приходите-ка вы оба ко мне в гости. Будет скромный ужин в дружеской обстановке.

Ребята с радостью согласились.

За столом, кроме Виктора, Сергея и Марины, сидела еще ее мама и, возможно, от той самой общественности знакомая лифтерша, свято верившая в снежного человека.

Пока женщины живо обсуждали эту насущную проблему, Виктор и Сергей налегли на спиртные напитки.

Даже непонятно, как это получилось. Первый начал, второй продолжил, первый снова выпил, второй... В общем, пошло у них не очень здоровое, но все же соревнование перед лицом Марины.

А лицо Марины ничего такого особенного не выражало. Она просто внимательно смотрела на все происходящее, поскольку от природы была очень наблюдательна.

И вот, значит, Марина, а за ней и ее мама, а за мамой и эта «снежная» лифтерша наблюдают, как Виктор держится молодцом, а Сергей чем больше размахивает руками, тем хуже ворочает языком.

Потом вдруг неверным движением он роняет чашку на пол, а одновременно роняет и голову. В блюдо с салатом. И очень мирно, уютно, этак по-домашнему там же и засыпает.

Ну, а Виктор — что ж... Виктор окинул победным взглядом всех присутствующих, галантно привстал и потащил обмякшего Сергея к умывальнику...

На другой день Марина сказала им:

— Ну вот, я сделала выбор. Ты, Виктор, пьешь много и очень умело. Наверняка у тебя в этом деле большой опыт и навык. А вот Сережа... Сразу видно, что он впервые в жизни так нагрузился и пить не умеет. Как раз такой мне и нужен.

Советскому цирку — 50 лет

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ!

Дружеские шаржи А. Алешичева, стихи Ю. Благова

ОЛЕГ ПОПОВ

Оптимист по самой сути,
Всеми он за то любим,
Что хохочут в цирке люди
Не над ним, а вместе с ним.

Юрий НИКУЛИН
и Михаил ШУЙДИН

От их реприз
Всегда смешно,
Но их девиз —
«Смешить умно!»

БОРИС ВЯТКИН

К достижению успеха
Продвигается двояко:
Сам—отменный мастер смеха,
Да еще смешит собака.

Константин БЕРМАН

Вы такие номера
Не у каждого найдете:
Весел он и у ковра
И под куполом в полете...

ЛЕОНИД ЕНГИБАРОВ

В его движении любом —
Сплав техники и мысли.
Он тонкий клоун — и в прямом
И в переносном смысле.

КАРАНДАШ

Никакого оглупленья:
Мягкий юмор, легкий грим...
Но, как всякое явленье,
Карандаш неповторим!

Геннадий РОТМАН
и Геннадий МАКОВСКИЙ

Им — полвека на двоих,
Начали едва,
Но пленяет в молодых
Зрелость мастерства.

КРОКОДИЛ
№ 23 (1925)

ГОД ИЗДАНИЯ
СОРОК ВОСЬМОЙ

ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ
«ПРАВДА»

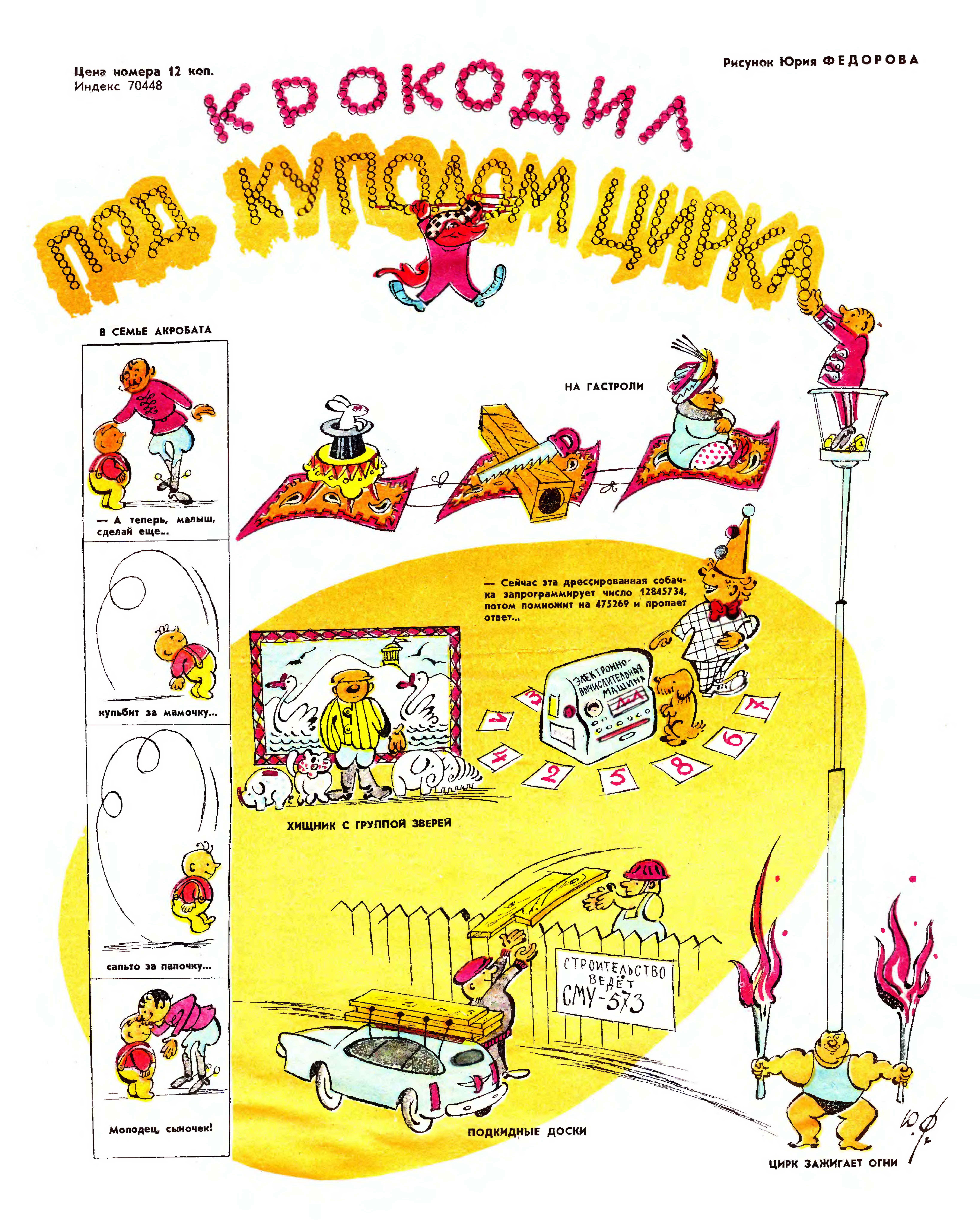
Темы рисунков этого номера придумали:
М. Абрамов, Ю. Андреев, М. Битный, М. Вайсборд, А. Грунин, С. Кузьмин, В. Сафонов, М. Ушац, Ю. Федоров, Ю. Черепанов, В. Чижиков.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

А 00170.
Подписано к печати
11/VIII 1969 г.
Формат бумаги 70×108⅛
Объем 2,80 усл. печ. л.
4,54 уч.-изд. л.
Тираж 5 500 000 экз.
(1 завод: 1—4 455 050).
Изд. № 1038.
Заказ № 2201.

Ордена Ленина
типография газеты
«Правда» имени
В. И. Ленина.
Москва, А-47,
ул. «Правды», 24.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448
Рисунок Юрия ФЕДОРОВА
КРОКОДИЛ
ПОД КУПОЛОМ ЦИРКА
В СЕМЬЕ АКРОБАТА
— А теперь, малыш, сделай еще...
кульбит за мамочку...
сальто за папочку...
Молодец, сыночек!
НА ГАСТРОЛИ
— Сейчас эта дрессированная собачка запрограммирует число 12845734, потом помножит на 475269 и пролает ответ...
ЭЛЕКТРОННО-ВЫЧИСЛИТЕЛЬНАЯ МАШИНА
ХИЩНИК С ГРУППОЙ ЗВЕРЕЙ
СТРОИТЕЛЬСТВО ВЕДЕТ СМУ-573
ПОДКИДНЫЕ ДОСКИ
ЦИРК ЗАЖИГАЕТ ОГНИ
Ю.Ф.